КАРЛ XII в 1708—1709 ГОДАХ*

Е. Тарле

Усиленные старания западноевропейской (шведской, немецкой, англо-саксонской) историографии и публицистики поднять на щит и сугубо воспрославить личные совершенства и разнообразные деяния и авантюры Карла XII очень характерны для литературы последних десятилетий. Ещё зимой и весной 1949 г. американская империалистическая пресса горько упрекала Швецию, не решавшуюся примкнуть к антисоветскому Атлантическому пакту, напоминая шведам с укоризной, что они забыли, куда указывает путь своему народу «национальный герой» Карл XII на своём стокгольмском памятнике, простирая руку на Восток.

В Стокгольме в феврале и марте 1950 г. сначала главнокомандующий шведской сухопутной армией генерал Юнг, а за ним вице-адмирал Стрембек в «Союзе офицеров» военно-морского флота прочли воодушевлённые лекции с очень слабо завуалированными призывами к борьбе против наследственного «восточного врага» и с восторженными упоминаниями о достославном Карле XII.

Здесь необходимо отметить одну черту в политической деятельности Карла XII, без учёта которой нельзя обойтись при анализе шведского нашествия на Россию. Швеция уже в начале, а особенно со второй половины XVII столетия была первоклассной военной державой, которая несколько раз во время Тридцатилетней войны оказывала решающее влияние на ход событий. Могущественная Франция с ней считалась, Австрия и Пруссия её боялись, маленькие германские дворы в ней заискивали, Польша по временам играла роль послушного шведского вассала. Постепенно первоначальные замыслы шведских властителей, не шедшие дальше стремления овладеть в высшей степени важным экономически южным побережьем Балтийского моря, стали расширяться, и мечта о гегемонии над всей Северной и Центральной Европой стала явно дразнить воображение и волновать мысль шведских монархов и их феодально-аристократического окружения. Карл XII более всех своих предшественников оказался во власти этой мечты.

Что государство, хозяйство которого опирается на феодально-крепостническое производство и вся социальная структура которого характеризуется крепостническими или полукрепостническими отношениями, не имеет основания надеяться на установление своего европейского вла-

---

* Настоящая статья представляет извлечение из большой работы автора о «Шведском нашествии на Россию в 1708 — 1709 гг.», которая, в свою очередь, является первой частью труда, носящего общее название «Русский народ в борьбе с агрессорами в XVIII — XX веках». В предлагаемой статье, посвящённой главным образом характеристике Карла XII и выяснению полнейшего авантюризма, безумия его агрессивной политики завоевания и расчленения России, могли быть лишь в самом сжатом виде затронуты те процессы социального развития Швеции и России, исследование которых до конца раскрывает мотивы и цели шведской агрессии и объясняет причины, давшие феодально-крепостнической петровской России возможность победоносно бороться и одержать полную победу над Швецией Карла XII. При Петре Россия сделала поистине громадные усилия, чтобы «выскочить из рамок отсталости» (Сталин), и это ей удалось в гораздо большей мере, чем тогдашней Швеции. В большой работе о шведской агрессии отводится много места этому вопросу громадного значения, равно как капитальнейшему вопросу о малоизученной до сих пор народной войне русского и украинского народов, сведшей к нулю опасные последствия измены Мазепы и весьма способствовавшей гибели шведских захватчиков *(автор)*.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

дычества или хотя бы гегемонии над половиной Европы,— с этим Карл XII не считался. Что некоторые страны, которые он покорял (вроде Саксонии), обладают несравненно более развитой экономикой, более богатой промышленной и торговой буржуазией, лучшими климатическими и географическими условиями, чем Швеция,— это тоже его нисколько не смущало. И долгие блестящие успехи в Польше и Саксонии, приведшие к тому, что он высокомерно диктовал свою волю австрийскому императору и милостиво выслушивал лесть Людовика XIV, окончательно укрепили в нём веру в прочность своей гегемонии. А это обстоятельство делало логически необходимым покорение России, не просто обратное отвоевание Ингрии, Эстонии, части Ливонии, но нанесение русскому колоссу смертельного удара в сердце, поход на Москву, низвержение Петра, раздробление русской территории.

Логика дальнейшего развития событий заставила Карла во имя этого далёкого прицела, похода на Москву, обнаруживать полную непримиримость по отношению к королю польскому Августу II. Ему нужно было очень прочно обеспечить за собой ближайший тыл при будущем походе на Россию, нужен был совсем верный, «свой» человек на польском престоле, а не вчерашний сотрудник Петра Август. И Карл прогоняет с престола Августа, сажает никому неведомого шляхтича Станислава Лещинского и этим возбуждает в Польше долгую междоусобную смуту.

Так, логически развиваясь, стремление к упрочению европейской гегемонии требовало не простой победы над Россией, а полного уничтожения её политической самостоятельности, а эта цель, в свою очередь, потребовала постановки вопроса о превращении Польши в покорную, вассальную державу.

Несбыточная цель привела к краю гибели и Карла и его государство, но в глазах современных фашистских историков и публицистов это нисколько не повредило его репутации.

Для шведских шовинистов и поджигателей третьей мировой войны «каролинская» традиция так же дорога и священна, как для германских фашистов, готовивших вторую мировую войну, была традиция «фридерицианская», связанная с культом Фридриха II.

В книжной, журнальной, газетной литературе о Карле XII бросается в глаза вполне сознательное игнорирование капитальных фактов истории «русского похода», т. е. нашествия на русскую территорию в 1708—1709 годах. Этот поход даётся в скомканном виде, с привлечением очень скудного материала, который притом, как это ни странно, часто берётся из старой русской литературы, изучаемой бегло, используемой с извращениями и умолчаниями. В особенности заметно старание всячески, вопреки очевидности, избавить «национального героя» от ответственности за роковой исход нашествия и за скорбные для Швеции, непоправимые последствия финальной катастрофы.

Все военные действия Карла, последовательно ведшие к гибели шведскую армию, объясняются чем угодно: опозданием Левенгаупта, морозами зимы 1708—1709 гг., нерешительностью и робостью поляков Станислава Лещинского. Не говорится почти ничего лишь о действительных причинах катастрофы: о сильной регулярной армии Петра, о полнейшем со стороны Карла непонимании народной войны, сразу же и бесповоротно погубившей изменническое предприятие Мазепы, о могучем духе войска и народа в борьбе против ненавистных захватчиков, о военном потенциале тогдашней России, о русской стратегии. Ни у одного (буквально, ни у одного!) из западных историков, писавших об этом походе, мы не находим, например, даже и простого упоминания о реальном развёртывании и успешном осуществлении зрело обдуманного Петром и его генералами «Жолкиевского плана», т. е. об отступлении и «оголожении» местности перед неприятелем, об активности русской обороны, о после-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

довательном собирании сил для окончательного, сокрушительного удара. Умалчивается и о тактике и полевой фортификации Петра, прежде всего о десяти редутах под Полтавой, которыми спустя полстолетия так восторгался замечательный военный теоретик и полководец Мориц Саксонский, подчёркивавший в своём знаменитом трактате гениальное военное новаторство Петра и называвший русского стратега великим человеком[1]. Ничего этого и следа нет в западной литературе о Карле XII, его походе и его поражении.

Нам показалось ввиду всего этого уместным поделиться с читателем некоторыми, обыкновенно замалчиваемыми данными о личности шведского «странствующего рыцаря», «викинга средних веков, заблудившегося в XVIII столетии», «шведского Александра Македонского», как его назвали в начале его поприща слишком поторопившиеся люди. Присмотримся же к некоторым чертам человека, являющегося одним из излюбленных исторических героев современного фашизма.

«Мой брат Карл хочет быть Александром, но он не найдёт во мне Дария»,— сказал Пётр. Год шведского нашествия стал годом бессмертной славы русского народа.

Готовя к печати исследование о шведском нашествии, мы убедились лишний раз, что ни в Швеции, ни в Германии, ни вообще в Западной Европе понятия не имеют о сокровищах наших архивов, западные историки ровно ничего не говорят и не хотят говорить ни о народной войне, ни о подготовке и развитии военных действий русской армии, ни о причинах крушения Мазепы и т. д. Но, что ещё любопытнее и показательнее, историки и биографы Карла обходят глубоким молчанием даже и те материалы, которые были и остаются в полном их распоряжении, если эти материалы озаряют не совсем лучезарным светом фигуру «национального героя», устремившегося на покорение России.

Предлагаемый очерк даёт даже не только и не столько опровержение фальсификаций, сколько выбранные для примера факты, сознательно пропускаемые и как бы поспешно проглатываемые при обычном в западной историографии последнего времени плавном рассказе о подвигах и добродетелях шведского короля. Тут мы имеем характерный случай тенденциозного извращения исторической правды путём систематических умолчаний.

★

Фигура Карла XII с давних пор приковывала к себе внимание историков, публицистов и философов-просветителей вроде Вольтера, пытавшихся дать разгадку характера этого человека, сыгравшего такую роль в истории своей несчастной родины и в истории Северной и Центральной Европы. Он был очень молчалив и не делился почти никогда своими мыслями и планами даже с теми, кому очень доверял, судя по той роли, которую они в его царствование играли. Ни Реншильд, ни Левенгаупт, ни граф Пипер, ни Гилленкрок, ни даже льстецы и фавориты вроде Акселя Спарре, которого Карл поторопился, начиная нашествие на Россию, назначить московским губернатором, не могли похвалиться, что король совещается с ними не только по существу основных своих политических планов, но даже относительно непосредственных стратегических задач, решение которых он поручал им нередко в последнюю минуту. Его штаб к этому настолько привык, что подобное поведение короля перестало в конце концов удивлять генералов. Каково объяснение этой замкнутости? Известно было, как опасался король болтливости своих и шпионства чужих. Знали также о невероятной гордости и самоуверенности Карла, о его твёрдой вере в свой гений и в своё счастье и дога-

[1] Maurice comte de Saxe, duc de Courlande. Les rêveries de la guerre, p. 198 — 199. La Haye. 1756.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

дывались, что он не желал советов и не нуждался в них, во всяком случае, ему казалось, что он в них не нуждается. Но было и ещё одно обстоятельство, которое тоже могло иметь в данном случае значение. В Карле XII всегда сидел отважный азартный игрок, в нём, «законном» монархе, наследнике прочно занимавшей шведский престол династии, жила душа искателя приключений, авантюриста широчайшего масштаба, его славолюбие было особого характера: хотя ему, разумеется, очень приятно было бы приращение своих территориальных владений, но ещё более льстило ему, когда его свита и армия восхищались самыми отчаянными его поступками, абсолютно ненужными, не имевшими и тени смысла выходками, когда он ставил на карту свою жизнь, свою свободу, все достигнутые успехи, все будущие надежды. И зная, что ни Реншильд, ни Левенгаупт, ни Нильс Стромберг, ни Магнус Стенбок, ни вообще какой бы то ни было из его самых верных, самых исполнительных, самых одарённых генералов и советников ни за что не одобрит его диких, фантазёрских внезапных выходок, он и старался поставить их всех перед совершившимся фактом. Будто исключением была его нелепая, один на один, ночная перестрелка с казаками 16 июня 1709 г., стоившая ему серьёзной раны и уложившая его в носилки за 11 дней перед Полтавой! Будто исключением была его тоже ночная и тоже вполне бессмысленная поездка с тремя провожатыми 1 декабря 1718 г., чтобы посмотреть, достаточно ли глубока траншея под норвежской крепостью Фредериксхалль! Он был убит наповал шальной пулей, когда исключительно для лихости и молодечества, чтобы удивить и ужаснуть провожатых, высунулся из бруствера. Эти выходки особенно запомнились только потому, что они навсегда остались связанными — первая с полтавским сражением, вторая — со смертью Карла, но ведь подобные, вполне бесполезные и крайне рискованные поступки были обыденным, бытовым явлением в королевском времяпровождении при бесконечных походах. Так было, когда в начале сентября 1707 г., проезжая близ Дрездена, он ни с того, ни с сего поскакал галопом прочь от своей армии и в сопровождении пяти человек (которых тоже не предупредил о своём нелепом намерении) примчался под вечер к королю саксонскому Августу, которого только что перед этим заставил отказаться от польской короны, и заявил изумлённому Августу с улыбкой, что приехал с ним проститься («к врагу на ужин прискакать»,— говорит об этом его поступке Пушкин). Его только потому не взяли в плен, что Август и его министр Флемминг слишком уж остолбенели и не поверили глазам своим, а когда они очнулись от столбняка, то Карл уже умчался. Так было и в 1713 г. в Бендерах, когда он — тоже без тени смысла — затеял в доме, где жил, получив после Полтавы приют от турок, глупейшую и в моральном отношении отвратительную вооружённую борьбу против своих гостеприимных хозяев, и турки, которых было несколько тысяч человек, взяли его «в плен» с его пятьюдесятью товарищами, которых он втянул в эту нелепую, вреднейшую, опасную кровавую драку, тоже не предварив их и вопреки их желанию. И он ещё потом осмеливался хвастать, что самолично убил нескольких турок!

Так он поступал всегда и ведя свои войны, и после первых больших успехов он окончательно уверовал в то, что он должен доверять только самому себе и что именно чем непонятнее и удивительнее для окружающих его сумасбродства, тем они гениальнее.

Все эти свойства должны были в конце концов неминуемо отразиться самым губительным образом на его военных предприятиях, несмотря на единодушно признававшиеся и его современниками и позднейшими военными историками дарования, которыми обладал Карл, и несмотря на его непоколебимую личную храбрость, стойкость и неукротимую энергию. Ни своей, ни особенно чужой жизни он не щадил никогда. Вообще,

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

к слову будь сказано, хотя современникам казалось, что какой-либо для тех времён из ряда вон выходящей жестокости он не обнаруживал, но настойчиво подчеркнём, что он и ни в малейшей степени в этом отношении не уступал самым жестоким людям того века. Заполучив, например, в руки своего врага Паткуля, Карл лично распорядился предать его мучительнейшей казни — очень продолжительному колесованию, а когда узнал, что офицер, начальствовавший при экзекуции, приказал палачу рубить голову чуть-чуть раньше, чем было ещё возможно, то разгневался на офицера и подверг его взысканию. А об его гнусной свирепости по отношению к безоружным русским пленным ещё будет сказано дальше, в своём месте.

Особые свойства ума и характера Карла XII, так страшно вредившие ему как полководцу, наиболее губительным образом сказывались, конечно, на его дипломатической деятельности. Если эти недостатки довольно долгое время в области военных действий как бы нейтрализовались и обезвреживались наличием специальных военных способностей, присущих Карлу, то уж в области дипломатической деятельности король обнаруживал с начала до конца — и в блестящую пору своих успехов и в годы бедствий — поистине плачевную беспомощность и полную, безнадёжную бездарность. Ему была присуща слепая вера в то, что незачем долго и скучно резониться и хитрить с этими штатскими господами в кружевных жабо, которых посылают к нему из Вены, из Парижа, из Копенгагена, из Гааги, когда можно, вместо потери времени на долгие переговоры, взять да и ударить молодецким налётом на чужую армию, чужую столицу, чужую переправу, а потом можно и вообще прогнать прочь слишком красноречивых и убедительно спорящих штатских господ и получить без них всё, чего захочешь. Карл сам и не любил и не умел говорить и не любил также тех, кто слишком хорошо и много умел говорить.

Безмерно преувеличивая после первых же успехов своё могущество и свои возможности, Карл сплошь и рядом сводил свои дипломатические переговоры к лаконически выражаемым повелительным требованиям и откровенным запугиваниям, и умным дипломатам, работавшим при нём — сначала графу Пиперу, потом Герцу и т. п.,— приходилось не без труда исправлять грубые и вредоносные промахи своего монарха.

Мы пробовали установить, какие главные цели по отношению к России он ставил перед собой в области внешней политики. Но были ли у него вообще какие-либо далёкие прицелы, какие-либо основные, неизменные задачи, решению которых должны были подчиняться все его дипломатические планы и все его военные действия? В чём он видел внешнеполитические общие достижения, к которым должна стремиться Швеция?

В начале Северной войны, перед первой Нарвой, цель диктовалась обстоятельствами весьма ясно и непосредственно — изгнать внезапно появившихся в Ингрии русских с побережья Балтийского моря. Не столько после первой Нарвы, сколько после начала блестящих успехов в Польше, лёгкого овладения Торном, Данцигом, Эльбингом, после сокрушающих побед над поляками и саксонцами мысль об очищении Балтийского побережья от русских отступает на задний план. «Пусть строит, ведь всё это будет наше, он строит для нас!» — так реагировал Карл на известие о закладке Петром Петербурга. Эта мысль передаётся в разнообразной редакции, но она точно отражает настроения короля после взятия Петром Ниеншанца.

Карл никогда не понимал, на кого он нарвался в поисках военных приключений. Не мудрено, конечно, что ни великий русский народ, ни громадная и сложная фигура Петра не были сколько-нибудь реально осознаны, анализированы, оценены по достоинству шведским королём.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Люди и потоньше и поумнее Карла XII далеко не сразу уловили, с кем пришлось считаться и Швеции, и Англии, и Пруссии, и Саксонии, и Голландии, и Дании, и Польше, и Австрии, и Франции, и всем вообще врагам и «друзьям» (то есть тайным врагам) России. Но гораздо удивительнее, что Карл упрямо не желал целых восемь лет видеть и учитывать зловещий смысл происходивших перед его глазами событий. Ни Эрестфер в 1701 г., ни Нотебург в 1703 г., ни тяжкое поражение 1704 г. («вторая Нарва»), ни ряд других жестоких шведских неудач на оспариваемом русскими морском берегу, ни, наконец, явное стремление Петра прочно, навсегда обеспечить за собой отнятые им у шведов старые русские владения постройкой новых городов и укреплением старых опорных пунктов — решительно ничто не заставило Карла XII вдуматься в тревожный смысл совершавшегося на Балтике; совсем другая цель занимает его мысли. Он делает из Польши вассальное государство, сажает своего раболепного ставленника Станислава Лещинского на польский престол и, полагая, что этим создал себе обширный и прочный тыл для далёкого восточного предприятия, устремляется на Россию...

Отмеченное коренное свойство западноевропейской историографии о Северной войне — почти полное невежество в области русской документации — обесценивает и старую и новую шведскую литературу, которая даёт порой немало документальных данных из шведских архивов, но не имеет и представления об архивах русских. Из этой литературы интереснее других старая работа Фрикселя, который имел в руках много документов, впоследствии утерянных. Нечего и прибавлять, конечно, что ни эта шведская литература с Фрикселем включительно, ни Лундбад, ни Фредерик Карлсон, ни (более новые) Эрнест Карлсон, ни Стилле, ни Ерне, ни Бринг, ни авторы колоссального коллективного четырёхтомного труда о Карле XII, вышедшего в 1919 г. («Karl XII på slagfältet»), даже не ставят вопроса о том, как вели Карл XII и его соратники войну против России и что они у нас творили, что пережил народ Белоруссии и Украины во время вторжения и как он ответил захватчикам, на чём сорвалась затея агрессора и т. д. Вообще они жалеют, конечно, так же, как и новейшие фашиствующие псевдоисторики, что их слишком поторопившегося «викинга», а с ним и его страну постигла такая плачевная участь, но им и в голову не приходит, что с «викингом» покончил именно русский народ и никто другой.

★

Военные историки, даже в общем высоко оценивающие дарования Карла XII как тактика, в большинстве своём в том или ином варианте повторяют давно установившееся мнение о шведском короле: «Вообще стратегия не была его делом» [2]. Но ещё меньше «его делом» была политика. Редко на каком примере можно видеть наглядную иллюстрацию того, как политические ошибки, особенно если в них сочетается непонимание обстановки, презрение к противнику, слепая самоуверенность с неколебимым упорством в следовании по раз принятому ложному пути, дают самые губительные результаты и для полководца, и для его армии, и для его государства и народа. Казалось, что всё было дано судьбой и природой Карлу XII. В пятнадцатилетнем возрасте он стал самодержавным владыкой одной из первоклассных держав тогдашнего мира с громадной территорией в Скандинавии и в пустынной, ограждающей её с севера Финляндии, с богатыми плодоносными владениями на южных берегах Балтийского моря. Шведская армия была, по общему признанию авторитетных современников, первой в Европе и несравнимой по дисциплине, военной выучке, боеспособности и оперативности. Финансы государства были более в порядке, чем в тогдашней Франции и чем

[2] «Военный сборник» № 3 за 1865 г., стр. 9.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

в большинстве германских княжеств. Внутреннее спокойствие казалось более устойчивым, чем в любом из континентальных государств и, пожалуй, даже больше, чем в тогдашней Англии: ведь всё-таки хоть и сумасбродной была мысль того же Карла XII ни с того, ни с сего готовить высадку в Шотландии, чтобы сменить не понравившуюся ему царствовавшую там ганноверскую династию и посадить на британский престол претендента Якова-Эдуарда Стюарта, но в Англии обеспокоились, принимали военные меры, тратили деньги, а свергнуть с престола самого Карла XII решительно никто не мог и помыслить, даже в самой сумасброднейшей голове подобная идея не возникала ни в одной стране. И, подвергнувшись при Полтаве ужасающему, постыднейшему поражению, погубив без остатка свою армию, скитаясь бессильным беглецом с несколькими провожатыми по турецким степям, сидя затем пять лет в Бендерах, отрезанный надолго от родины, Карл был вполне спокоен за свой престол, и его безграничная власть над подданными ничуть не поколебалась. Нечего и говорить о том, что его страна хотя и роптала, но беспрекословно давала ему по первому требованию всё, чего он хотел.

При громадных средствах, которые были в течение всего его слишком двадцатилетнего царствования в его полнейшем распоряжении, Карл был одарён от природы некоторыми качествами, дающими военный успех. Он был в самом деле храбр и не только не избегал опасности, но искал её, нарывался на неё, и это, как и всегда в таких случаях, сильно действовало на солдат, любивших его и веривших в его таланты и в долго служившее ему счастье. Карл был силён если не как стратег, то как тактик, находчив в бою, быстр на соображение, необычайно решителен, когда требовалось внезапно, тут же, под бомбами и пулями, менять планы атаки. Он был вынослив физически, не раздражаясь и не жалуясь, молчаливо выносил долгое отсутствие привычной пищи и даже простой свежей, не пахнущей болотом воды. Его воздержанность, суровый, спартанский образ жизни, недоступность никаким соблазнам, свойственным молодости (а ведь он и убит был сравнительно молодым, тридцати пяти с небольшим лет от роду), — всё это внушало к нему уважение окружающих. Он переносил самую страшную физическую боль, не издавая ни одного стона; так он перенёс операцию (тогда это называлось операцией), произведённую сомнительным полевым «хирургом» за 11 дней до Полтавы; конечно, никаких анестезирующих средств тогда не было и в помине. Он мог обходиться без сна больше суток, мог долгими часами не слезать с лошади. Войну с Россией он вёл в самую цветущую пору своей жизни, в полном расцвете своих сил: начал её под Нарвой, когда ему было 18 лет, а кончил (поскольку речь идёт о его личном и непосредственном участии) под Полтавой, когда ему было 27 лет.

И все эти большие военные и государственные преимущества и средства и все эти не часто встречающиеся личные качества — всё это привело после долгих блестящих удач к полному, безнадёжному провалу, чудовищной, без остатка, гибели армии, к тяжёлому, непоправимому подрыву политической мощи Швеции, а для него, гордого, безмерно славолюбивого и жившего только для славы и ни для чего больше (герцог Мальборо совершенно правильно это уловил в 1707 г. после личного знакомства и наблюдений), для него, которого ещё накануне Полтавы величали в Европе (в стихах и прозе) новым Александром Македонским, это кончилось мучительным, неизбывным стыдом, который заставлял Карла явно искать смерти. Короля грызло неутолимое чувство безнадёжного позорного краха в России всей его жизни и деятельности, всей репутации. Он молчал, как всегда, почти не оправдывался и не жаловался и только один раз, как увидим, написал в 1712 г., и то очень

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

скупыми словами, о пережитой трагедии своей любимой сестре, но окружавшие и наблюдавшие его в последние годы его короткой жизни хорошо понимали, что в нём творилось в это «послеполтавское» время, пока, наконец, 1 декабря 1718 г., в тёмную норвежскую ночь, в холодной траншее не нашла его шальная пуля-избавительница.

Все эти характерные черты личности шведского короля — блеск его долгой победоносной завоевательной карьеры, так плачевно завершившейся под Полтавой,— всё это привлекало к нему с давних пор воображение и симпатию шведских историков, а часто и писателей, учёных, публицистов, поэтов других национальностей. Многими забывались те особенности Карла XII, которые, в сущности, в окончательном счёте сделали его, так называемого «национального героя», поистине национальной катастрофой для Швеции. Абсолютное отсутствие чего бы то ни было похожего на чувство ответственности перед родиной, беспечная и расточительная трата человеческих жизней, постановка перед собой несбыточных, грандиозных целей и совсем непостижимое неистовое, нелепое упрямство в погоне за достижением их, — всё это так бросалось в глаза, так кричало о себе, что подрывало у сколько-нибудь беспристрастных наблюдателей и исследователей первоначальный импонирующий эффект, который иной раз производила личность этого совсем незаурядного человека, которому суждены были такие блестящие и долгие успехи и такой жестокий, непоправимый конечный провал в его наглом покушении на русский народ и на русскую землю.

Все отрицательные стороны его характера, все дефекты его психики — всё это особенно губительно для его страны сказалось вследствие ничем не ограниченной власти, которой он обладал начиная с 15-летнего возраста. И недаром воспоминания Левенгаупта, хорошо знавшего короля, появились в печати уже после смерти злосчастного генерала под многозначительным длинным названием «Вредные последствия самодержавия и горькие плоды злости». Левенгаупт, несправедливо обиженный (и погубленный) Карлом XII, или, точнее, его зять Бойе, который готовил к печати эти отрывочные показания, выразил в этих словах и добытую дорогим опытом истину о вреде самодержавной власти, особенно находящейся в руках такого самодура, как король Карл XII, и возмущение злобными наветами и прямой клеветой Карла. Левенгаупту уже не суждено было вернуться из русского плена на родину. В этом вышеприведённом длинном названии его мемуарных набросков — посмертное проклятие как необузданному произволу и самодурству Карла XII, погубившего свою армию и свою страну, так и низкому проявлению злобы короля, желавшего весь позор капитуляции под Переволочной взвалить на ни в чём не повинного человека, которого он, убегая за Днепр, бросил на произвол судьбы.

★

Как можно определить цели шведского правительства, менявшиеся во время Северной войны?

Первоначальная цель диктовалась Карлу инициативой врагов: Дания претендует на часть владений герцога Гольштейн-Готторпского, союзника Швеции, Август II, польский король,— на шведскую Ливонию, Пётр — на Ингрию. Но быстро одержаны победы над Данией и Польшей. Остаётся Пётр.

Если русские во главе с Петром считают, что они возвращают себе войной старые русские владения в Прибалтике, насильственно отторгнутые от России шведами в 1617 г., по Столбовскому договору, то шведы во главе со своим королём решаются не только всеми силами защищать это своё неправое стяжание, но и жестоко покарать «дерзких московских варваров», явившихся требовать обратно своё достояние, которое в начале

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

XVII в. плохо лежало и которое у них поэтому так ловко заграбил восхваляемый до сих пор на все лады буржуазной историографией благочестивый протестантский воитель, «иже во святых» Густав-Адольф, удачливый хищник, ставший спустя сто лет образцом и идеалом для его потомка — Карла XII.

Но уже очень скоро эта его первая цель сменяется другой, более широкой, продиктованной стремлением к установлению гегемонии в Северной, Восточной и Центральной Европе. Московские варвары должны быть наказаны полным уничтожением их государственной самостоятельности, новый шведский герой Карл XII, столь же христолюбивый и благочестивый, как его предок, войдёт в Москву, сгонит Петра с престола, посадит вассалом либо молодого знатного шляхтича Якуба Собесского либо — если заслужит! — царевича Алексея; Псков и Новгород отойдут, как и весь север России, к Швеции; Украина, Смоленщина и другие западные русские территории — к вассальному, покорному шведам Станиславу Лещинскому; а остальная Россия будет разделена на удельные княжества, как было встарь, до возвышения Москвы.

От этой цели пришлось после Полтавы отказаться. Постепенно после Полтавы, да и то далеко не сразу, Карл «соглашается» вернуться к более скромной задаче — возвратить потерянные уже шведами провинции, отнятые Петром,— Ингрию, Ливонию, Эстонию, Карелию, Финляндию. Война, совершенно безнадёжная, продолжается. Карл убит 1 декабря 1718 г., и, после тщетного ожидания откуда-нибудь дипломатической помощи, которая помогла бы вернуть хоть часть Ингрии и Ливонии, новый шведский король Фридрих (женившийся на сестре Карла, непосредственной преемнице Карла, королеве Ульрике-Элеоноре), наконец, заключает 30 августа 1721 г. в Ништадте мир, продиктованный Петром.

Таковы были менявшиеся цели, которые за 21 год войны ставили себе сначала Карл, а после его смерти его преемники. Все три цели оказались совершенно невыполнимыми, и от них пришлось последовательно отказаться. У Швеции, прежде всего, не было ни материальных, ни моральных сил для победы над Россией ни в начале, ни в середине, ни в конце этой кровопролитной борьбы. Но безумная по дерзости, хоть и продиктованная его общеполитическими целями, агрессия Карла XII 1708—1709 гг., непосредственно направленная на завоевание и расчленение России, превратила то, что могло бы быть лишь тяжёлой политической и военной неудачей, в страшную национальную катастрофу, навсегда лишившую Швецию её великодержавия.

★

Следует сказать, что насколько Пётр был лично уже человеком нового, в религиозном отношении свободомыслящего, борющегося с церковными суевериями и предрассудками XVIII в., настолько умственно отсталый, консервативный в своём мышлении Карл XII являлся характерным представителем самого заскорузлого лютеранского ханжества XVI—XVII веков. И его духовник Нордберг, которому так нравились избиения раненых и безоружных русских пленных, был типичен для своей среды, для близкого Карлу духовенства, для всего поколения тех жестоких, нетерпимых протестантских фельдфебелей в рясе, которые были истыми «каролинцами», как назывались эти «карловы люди». За их «благочестие, непреклонность и духовное родство с Карлом XII» их до сих пор восхваляют и в шведской и в немецкой церквах[3]. Образчики этой «непреклонности» читатель увидит в дальнейшем изложении. Глубочайшая вера Карла не только во всегдашнюю божью помощь, но

[3] Ср., например, статью Аулена «Schweden» в «Realencyclopädie für protestantischen Theologie und Kirche». Bd. XVIII, S. 32. Leipzig. 1900.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

и в то, что сам господь диктует всё, что только может взбрести в королевскую голову, объясняет его полное игнорирование всех советов и предупреждений окружающих.

Даже присяжные панегиристы Карла XII признают его «трагической ошибкой», например, ожидание помощи от Станислава Лещинского в походе на Россию. Но такими «трагическими ошибками» была полна политическая карьера шведского полководца, который всегда умудрялся грубейшими политическими промахами сводить к нулю все свои военные успехи. Он решительно ничего, прямо до странности, не понимал ни в истории, ни в государственном и экономическом состоянии тех стран, с которыми ему приходилось иметь дело.

Полтавский разгром и позор капитуляции всей ещё уцелевшей части армии под Переволочной и явно безнадёжная потеря Прибалтики и Финляндии ничуть его не образумили. О таких людях русский народ говорит: «Каков в колыбельку, таков и в могилку».

Карл XII, по существу, был лишён проницательности, широты ума, сколько-нибудь серьёзного образования, способности к сосредоточенному анализу, чтобы, например, понимать Петра I. Нелепое презрение Карла к человеку, с которым сам-то он не мог идти ни в какое сравнение по размерам и разнообразию дарований, является, может быть, самым любопытным из всей коллекции абсурдных заблуждений шведского «странствующего рыцаря», неутомимого искателя военных приключений, который, к несчастью Швеции, в пятнадцатилетнем возрасте оказался её абсолютным монархом.

В Петре он видел нечто вроде Августа Саксонского, а в России — даже и не Польшу, а просто какой-то варварский стан, не то громадное по пространству полумонгольское полукочевье, не то обширное пахотное поле, на которое зарился ещё его предок, обожаемый им Густав-Адольф.

Эта нелепая мысль и давала ему полное спокойствие духа, когда он, гарцуя впереди своей армии, вёл своё полуголодное и изнурённое войско по тропинкам через непросыхающие болота на восток. Армия уменьшилась в числе? Ничего! Реншильд не понимает, что на покорение Москвы хватит! Пипер тревожится по поводу потери Прибалтики? Ничего! Пиперу никак не удаётся взять в толк, что в Эстляндии, Лифляндии, Финляндии, Ингерманландии шведам вовсе и не придётся воевать. Всё вернётся, как только Карл на своём лихом скакуне примчится в Кремль. Это крепко сидело в его узкой упрямой голове, когда его спутники осмеливались деликатно указывать ему на трудности затеянного далёкого похода. Карл полагал, что добьётся развязки через несколько месяцев. Он оказался совершенно прав: развязка пришла через несколько месяцев, но он несколько ошибся лишь относительно географического пункта: развязка пришла не в Москве, а в Полтаве.

★

Безумная слепота не только Карла, но и вообще правящих кругов его страны, с такой охотой пошедших за ним и до конца его поддерживавших (и на этом подорвавших силы страны), заключалась в полном непонимании, что такое Россия и русский народ, кто такой Пётр, каковы движущие силы и повелительные потребности русской политики, почему Россия — нечто решительно не похожее на те страны, которые так легко удавалось Карлу завоёвывать, и почему свергнуть Августа в Варшаве можно, а свергнуть Петра в Москве невозможно. Всё это было книгой за семью печатями для короля Карла. И совершенно правильно, хоть и с сокрушением сердечным отмечает издатель полного собрания писем Карла XII и его историк Эрнест Карлсон, что именно после изучения истории России при Петре Великом Вольтер круто изменил своё первоначальное восторженное отношение к Карлу и

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

дал свою знаменитую, правда, слишком уж лаконичную, окончательную оценку обоим противникам: «Царь Пётр был необыкновенным мудрецом, а Карл XII необыкновенным сумасшедшим, который сражался, как Дон-Кихот с ветряными мельницами» [4].

Такое же незнание и непонимание русского народа и его решающей роли в страшной катастрофе агрессора в 1708—1709 гг. мы встречаем почти во всей западноевропейской исторической литературе о Северной войне вообще и о походе Карла в Россию в 1708—1709 гг. в частности. Ещё недавно появилось в одном из еженедельников, издаваемых в Соединённых Штатах, исчерпывающее «объяснение», почему так досадно не удалось шведскому королю его предприятие: стокгольмский сенат зазевался и опоздал с присылкой подкреплений, а тут ещё, как на грех, вдруг оказалось, что зима в России бывает холодная и морозы 1708—1709 гг. выручили Петра, как в 1812 г. они выручили Кутузова. Вот и всё. Снова и снова — русские «морозы».

В литературе Западной Европы XVIII в. личность и изменчивая судьба Карла XII и его армии и гибель шведов в России неоднократно привлекали внимание, особенно поэтов и романистов. Известный английский литератор и учёный XVIII столетия, лексикограф Самуэль Джонсон посвятил Карлу XII и его нашествию на Россию оду, в которой воспевает «твёрдость адаманта», «огненную душу» шведского полководца, которого «не пугают никакие опасности, не утомляют никакие труды», которому не нужны прелести жизни, даваемые королевским скипетром: он свергает королей — «один — капитулирует, другой отрекается от престола»,— но ему всего этого мало. Карл возглашает: «Ничего не достигнуто, пока на стенах Москвы не развеваются готские знамёна! Всё будет моим, что только существует под полярным небом!». И дальше Джонсон просит, чтобы забыли унижение героя, превратившегося в «просителя в далёких странах» (т. е. в Турции, куда он бежал): «Скрой, пристыженная Слава, скрой день Полтавы!» [5].

Это писано в 1738 г., спустя почти тридцать лет после Полтавы. Подобных стихотворных и прозаических прочувствованных размышлений о Полтаве в Западной Европе и, в частности, в Англии вышло в XVIII столетии немало. Все они проникнуты восхвалением дополтавских подвигов шведского «странствующего рыцаря», его храбрости, целомудрия и прочих спартанских добродетелей и состраданием к его плачевному крушению под Полтавой. Ни разу не удалось мне встретить, например, в шведской, в немецкой, в английской литературе хотя бы намёк на признание правоты действий русского народа, поборовшего вторгшегося в его страну хищника. Правда, нет, с другой стороны, и попытки доказать справедливость поступков Карла. Эта сторона дела решительно никого не интересует: Россия и русские — это лишь материал, на котором шведский воитель пробовал сначала очень удачно, а потом — увы! — крайне несчастливо свою доблесть, силу и удаль.

Легенда о Карле держалась в Швеции очень долго, и ещё в Крымскую войну 1854—1855 гг. тогдашний наследный принц шведский Карл снискал себе популярность тем, что собирался «отомстить за Полтаву» [6]. И именно тогда оживился в шведской литературе особый интерес к Карлу XII. Держится эта легенда и теперь. И в 1949 г. и в 1950 г. на курсах, читаемых для офицеров шведской армии, культ личности Карла XII приобрёл характер такого неистового славословия, как решительно никогда раньше.

---

[4] Voltaire. Oeuvres complètes. Vol. LXI, p. 25. Paris. 1823.

[5] Напечатано у S. Roberts. Samuel Johnson, p. 8. London. 1944.

[6] Донесение Лобстейна Друэн де Люису от 19 декабря 1853 года. См. мою книгу «Крымская война». Т. I, стр. 494.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Старые шведские историки, писавшие о Карле сто и полтораста лет тому назад, вроде Фрикселя, или Фредерика Карлсона, или Лундблада, ещё проявляли изредка робкое поползновение быть «беспристрастными». Но в настоящее время — время деятельно культивируемой поджигателями войны ненависти к Советскому Союзу и к русскому народу — ведущую роль в историографии Карла прочно заняли (и удерживают за собой) немецкие и англо-саксонские фашисты и шведские шовинисты, бравшие материал у гитлеровских учёных и широко популяризовавшие его в газетных и журнальных статьях.

Необычайно характерно, враждебное отношение этой новейшей шведской историографии к старой литературе, пытавшейся хоть и слабо, с почтительными оговорками, говорить о безумствах и ошибках Карла XII. Новые авторы — Ерне (Hjärne), Бринг и ряд других,— особенно с 1918 г., не перестают в новых и новых работах восхвалять «национального героя» на все лады [7]. Влияние немецкой фашистской литературы о Карле сделалось в шведской историографии господствующим.

И недаром гитлеровцы сразу же признали этого шведского короля Карла XII за «своего», и их «историки» поставили его на такой высокий пьедестал, что смутили даже самых патриотических шведов. Приведём наудачу кое-какие образчики.

В гитлеровской Германии вышла в нескольких изданиях (наиболее полное в 1940 г.) любопытная по-своему книга Гейнара Шиллинга «Карл XII. Лев полуночи» [8]. Не только это название, но и всё содержание и изложение книги отмечены тем безвкусием, погоней за дешёвыми эффектами, той крикливостью и балаганной шумихой, которые так характерны для «историков», писавших при гитлеровщине и для гитлеровщины. Книга посвящена «памяти воинов, которые пали геройски за своего вождя и за бессмертную шведскую славу». Карл XII для Шиллинга — образцовый «фюрер», великий герой, гениальный полководец, истинный германец, доблестный представитель северной расы господ, викинг, который устремился вперёд, чтобы отбросить русских азиатов «в бессилие и варварство», откуда их, к несчастью, начал выводить Пётр. И, к прискорбию автора, благородный герой германской северной расы, сам чистокровный немец и по отцу и по матери, «король шведов, вандалов и готов», на вершине своих подвигов, уже прославляемый по всей Европе как великий полководец, вдруг претерпел страшную катастрофу, о которой никто и думать не мог и которая (по наивному и невежественному уверению Шиллинга) оказалась вполне «неожиданной» также и для тех, кто разгромил Карла под Полтавой. Эта книга, вышедшая в 1940 г., накануне нового нападения на Россию со стороны «доблестных рыцарей» «северной высшей расы германского корня», под водительством нового фюрера, явно проникнута уже дыханием приближающейся исторической бури. В приподнятом тоне, явно подделываясь под предполагаемый склад средневековых северных песенников — скальдов,— Шиллинг своей восторженной прозаической одой длиной в триста шесть страниц как бы напутствует гитлеровцев на ратный подвиг, предстоящий им, напоминая о славных деяниях «короля шведов, вандалов и готов», который так досадно споткнулся в разгаре реализации своего глубокомысленного плана — идти на Москву, завернув по дороге в Полтаву.

---

[7] Большая библиография Самуэля Бринга упоминает лишь труды о Карле XII, появившиеся до 1934 года. S. Bring. Bibliografisk Handbok till Sveriges historia. Stockholm. 1934. После войны 1941—1945 гг. о Карле XII в Швеции стали писать в ещё более восторженном тоне, но больше в журнальных и газетных статьях, а не в книгах.

[8] H. Schilling. Karl XII Der Löwe aus Mittelnacht. Dresden. 1940.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Эта восторженная перекличка увлекающегося гитлеровца с Карлом XII, расиста XX в. с «юным шведским Зигфридом», носителем воинственных идеалов древнегерманской расы, необычайно показательна.

Современные фашисты хорошо знают, почему им дорог Карл XII. Карл XII, представитель Пфальцской династии на шведском престоле, истый германец, был велик именно тем, что угадал истинную задачу Европы — разрушить Россию. Так чёрным по белому и пишет современный фашист: «Германский король полагал, что это последний случай разрушить будущую великую славянскую державу, наступление которой он чувствовал, и этим сохранить за Скандинавией владычество на Балтийском море и великодержавное положение».

Последний случай! Уже Наполеон опоздал, потому что в 1812 г. овладеть Москвой ещё не значило разрушить Россию, а при Карле XII взять Москву, при слабой (будто бы) связанности периферии с центром, именно и означало, по его мнению, гибель русского самостоятельного государства.

Отто Гайнц, автор этой двухтомной книги, вышедшей в гитлеровском Берлине в 1936 г.[9], напускает на себя сугубо «учёный» вид, хотя его книга — такая же сплошая компиляция, как и книга Шиллинга, или книга Оттова, или вся эта внезапно высыпавшая агитационная «историография» о «сильном человеке», «будителе энергии Запада»,— словом, о предшественнике «фюрера». Гайнц борется с «либералами», которые видели в Карле XII «авантюриста и рубаку». Нет! Только истые немцы вроде Ширрена, балтийского борца против русского владычества в Прибалтике, понимали великого Карла как следует! Вся книга Гайнца — сплошная фальсификация истории, направленная к унижению России и к возвеличению разбойничьих на неё набегов агрессоров. Полтава — лишь несчастное недоразумение, совершеннейшая случайность. И — увы! — если бы доблестный Карл разбил русских, то Россия, безусловно, погибла бы, и вся история Европы была бы другая, и т. д. Самая курьёзная ложь, пошлейшее извращение фактов составляют основу и душу этой книги. «Истинно германские старинные доблести» — вот что пленяет Гайнца в шведской армии и в короле. Тон книги Гайнца вызывающий, азартный, он жалеет о неудаче Карла XII, но уже явно при этом утешается надеждой, что «фюрер» исправит всё, повторив нашествие на Россию.

У последнего (по времени) историка, писавшего о Карле XII, Оттова, книга которого вышла в самом конце 1947 г., умонастроение минорное. Для него Карл XII — «одержимый король», он так и назвал свою книгу[10]. Конечно, он скорбно признаёт неосторожность шведского короля. То же бы Карл сделал, да только не так! То же бы слово, да не так бы молвил! Оттов укоризненно качает головой, говоря о приключениях своего героя,— и уже нет и не может быть в 1947 г., когда он пишет, надежды на то, что кто-то другой поправит дело и покорит ненавистную Москву.

Английская специальная литература о Карле XII бедна и хоть и неизменно проникнута внутренним сочувствием к шведам и антипатией к России, но эти суховатые компиляции не отличаются такой «эмоциональностью», как немецкая литература.

В этом смысле типична поверхностная книга Оскара Браунинга о Карле XII, очень многозначительно посвящённая лорду Керзону, ярому врагу России и прежней и особенно нынешней, советской[11].

Мы привели наудачу некоторые проявления и образчики этой всё растущей литературы о Карле XII. Научная ценность её равна нулю, но

[9] O. Hainz. König Karl XII von Schweden, S. 228—229. Berlin. 1936.
[10] F. Ottow. Der besessene König. München. 1947.
[11] O. Browning. Charles XII of Sweden. London. 1899.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

она отравляет общественное сознание и является ответвлением публицистики, направленной к разжиганию воинственных страстей против русского народа. Характерно, что автор единственной, сколько-нибудь претендующей на научное значение вышедшей за последние 40 лет в Англии книги (правда, не посвящённой Карлу XII, но говорящей о Северной войне) Чэнс, тоже, конечно, очень недружелюбно настроенный по отношению к России, но хоть привлекающий и публикующий новые архивные данные, принуждён явно против своей воли и даже к своему большому неудовольствию признать, что в упорной и долгой борьбе против Петра (борьбе всеми средствами) британская дипломатия потерпела самую полную неудачу [12]. Но в научном смысле и Чэнс совсем не удовлетворителен, так как не имеет никакого представления о богатейшей русской документации, без которой шагу нельзя ступить при работе над историей Северной войны.

★

Карл XII пленил нынешнюю фашистскую нечисть не только своим глубокомысленным намерением раздробить Россию на удельные княжества, но и той холодной, звериной, безмерной жестокостью, с которой он всегда относился к русским, имевшим несчастье попасть в его руки [13].

В битве при Фрауштадте в 1706 г., где погиб почти весь русский отряд (а в отряде было 6 тыс. человек), обнаружилась непонятная, истинно зверская жестокость шведов именно относительно русских. Ведь в сборной армии саксонского генерала Шуленберга, потерпевшей такой разгром от шведов, были и саксонцы, и поляки, и даже французы, служившие в саксонской армии, и, наконец, русские. После своей победы (3 февраля 1706 г.) шведская армия брала в плен всех, кто не был убит и не успел бежать. Всех, кроме русских! «Россияне також многие побиты, а которые из солдат взяты были в полон, и с теми неприятель зело немилосердно поступил, по выданному об них прежде королевскому указу, дабы им пардона (или пощады) не давать, и ругательски положа человека по 2 и по 3 один на другого, кололи их копьями и багинетами (штыками)» [14]. Таким варварским способом шведы истребили 4 тыс. обезоруженных русских пленных после боя. Заметим, что подчёркивается личное повеление Карла XII именно всех русских пленных, уже безоружных, предать на другой день мучительной смерти с этим особым издевательским ухищрением. Командовавший в сражении Реншильд не нашёл ни малейших препятствий для того, чтобы выполнить в точности затейливый в своей безмерной гнусности приказ своего повелителя о том, как положить по три человека русских одного на другого и прокалывать их. Исполнив это, Реншильд был награждён Карлом титулом графа. И бравый служитель христианского алтаря, благочестивый проповедник, духовник и капеллан Карла XII, его друг и «духовный отец» пастор Нордберг, столь умилённо описывающий, как его герой всю жизнь при всех походах непременно дважды в день молился коленопреклонённый лютеранскому богу, скромно обходит молчанием такие подвиги своего «духовного сына», как приказ прокалывать русских пленных по три враз. Пленники были виновны не только в качестве православных, но они были русские, а с московитами зачем же было церемониться? Придя в Москву, непобедимый шведский воитель ещё и не так с ними поговорит! Распоряжение Карла (или Реншильда, вполне одобренное королём) о прокалывании русских пленников возникло в полной гармонии с атмосферой, царившей в королевской

[12] G. Chance. George I and the Northern war. London. 1909.

[13] Ср. документацию наших архивов по народной войне: ЦГАДА. Дела малороссийские, 1709, д. № 14, лл. 13—16; ГПБ, рукописный отдел, № 1598, рукопись № 17, л. 166; Ленинградское отделение института истории (ЛОИИ), ф. Меншикова, картон 10, № 178.

[14] «Журнал, или подённая записка... Петра Великого». Ч. I, стр. 134. Спб. 1770.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

главной квартире и в шведской армии вообще относительно русских и России.

В Литве, Белоруссии и на Украине Карл лишь продолжал, правда, в очень усиленном размере, тот же метод обращения с населением, какой практиковался им раньше в Польше, в Саксонии. Так как западные историки красноречиво выражают своё «высокоморальное» негодование по поводу действий войск Шереметева в Лифляндии, то должно напомнить, что Шереметев никогда не издавал приказов об убийстве заведомо ни в чём не повинных, как это случалось неоднократно с Карлом XII. Услыхав о каком-то совсем ничтожном нападении на шведский пикет близ Торуня, Карл пишет Реншильду: «Было бы самое лучшее, чтобы все эти места были уничтожены путём разграбления и пожаров и чтобы все, кто там живёт, виновные или невинные (skyldiga eller oskyldiga), были уничтожены». И, желая, чтобы Реншильд понял его как следует, король прибавляет спустя месяц: должно выбивать из населения контрибуцию каким угодно способом, «а эта страна может страдать сколько ей угодно... Те, кто не остаётся дома, должны быть разорены, а их жилища сожжены... Посылаю вам кавалерию, чтобы преследовать бродящих тут каналий... Контрибуцию взыскивать огнём и мечом! Скорее пусть пострадает невинный, чем ускользнёт виновный... Сжечь местечко, где было совершено нападение на валахов... всё равно, виновны ли владельцы домов или невинны...» Такие приказы сыплются из-под пера Карла, как из рога изобилия: «...надо вешать, если даже лишь полдоказательства есть налицо... даже дитя в колыбели не должно получить пощаду»[15]. Магнуса Стенбока, свирепого, подлого палача, который убивал безоружных пленных русских собственноручно, король одобрял за исправное выполнение открытого Карлом способа взимания контрибуции; этот способ, которым пользовался и другой его генерал, Мейерфельд, заключался в том, чтобы начиная с предместий приступать к систематическому сожжению города и прекращать поджоги лишь по внесении контрибуции. «Я тут в полумиле от Замостья, а Мейерфельд стоит со своим гарнизоном в городе и начинает их вгонять в пот поджогами. Я думаю, он выжмет из них чистыми деньгами... а если они не заплатят, он начнёт сжигать эффективно»[16],— сообщает король Стенбоку.

Таковы были воззрения Карла XII и способы обращения с населением оккупируемых стран, принятые в шведской армии в годы, когда король готовился вторгнуться в Россию.

И нигде король и его солдаты так не свирепствовали, как в России, не только потому, что их приучили смотреть на русских не как на людей, но и потому, что нигде, ни в Пруссии, ни в Польше, ни в Саксонии, население не оказывало шведам такого упорного сопротивления, как в Белоруссии, в Северской Украине, в Гетманщине и в Украине Слободской.

Бродя в январе и феврале 1709 г. от Опошни к Ахтырке, от Краснокутска к Коломаку, оттуда повернув к югу и юго-западу, опять к Опошне, к Яковцам, к Будищам, к Жукам и Полтаве, Карл XII, видя продолжающееся отступление отдельных отрядов русской армии и совершенно превратно истолковывая этот факт, решил, что он настолько прочно владеет Украиной, что вправе наказывать своих новых подданных за попытку сопротивления. Он отдал приказ — поджечь Краснокутск и увести оттуда всех женщин и детей. Войдя в Олесню (Олешню) 11 февраля 1709 г., генерал-майор Гамильтон просто перебил несколько

[15] Карл — Реншильду. Май 1703 г. № 158. Торн; июнь 1703 г., №№ 159, 160. Торн. Konung Karl XII, jegenhändiga bref. Samlade och utgifna af E. Carlson, S. 242 — 246. Stockholm. 1893.

[16] Карл — Стенбоку. Там же, стр. 293, № 201. Trakten af Lublin. Январь 1703 года.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

сот человек и затем ушёл, сжёгши местечко до основания. Так он мстил жителям Олешни за то, что они, вооружившись чем попало, отчаянно оборонялись от большого шведского отряда, и четыре полка долго не могли ничего с ними поделать. Ворвавшись наконец в Олешню, шведы убедились, что никакого русского гарнизона там не было и что с ними так яростно сражалось гражданское население. Сожгли уж заодно и деревню Рублёвку (17 февраля). Женщин и детей уводили, по свидетельству одобрявшего это очевидца Адлерфельда, за то, что мужчины (уходившие при приближении врага) осмеливались стрелять по шведам. Карл шёл к югу, проходя восточной полосой Южной (Слободской) Украины. Он опять был полон своих завоевательных фантазий. Любопытный разговор Карла с Мазепой передаёт нам камергер Адлерфельд, бывший, как всегда, в течение всего нашествия на Россию с королём, не отставая от него ни на шаг.

Дело было в Коломаке, крайнем восточном пункте Слободской Украины. Подходили туда 13 февраля. «Коломак расположен на границе Татарии,— авторитетно объясняет Адлерфельд,— и старый Мазепа, который со своими казаками участвовал в этой экспедиции, хотел польстить королю, рядом с которым он ехал на лошади, принося ему поздравление с его военными успехами и говоря ему по-латыни, что уже находятся не более, как в восьми милях от Азии. Его величество, который прекрасно знает географическую карту, ответил ему с улыбкой: «Но географы не соглашаются»,— и это замечание заставило немного покраснеть этого доброго старика» [17]. Но Адлерфельд совершенно напрасно поспешил похвалить короля за знание географии, в которой, впрочем, и сам-то автор был не силён. Из другого источника мы знаем, что лживая лесть «доброго старика» Мазепы была воспринята Карлом вполне серьёзно. Король немедленно «приказал генерал-квартирмейстеру Гилленкроку разузнать о дорогах, которые ведут в Азию. Гилленкрок ответил ему, что Азия отсюда очень далека и что достигнуть её по этой дороге вовсе нельзя. «Но Мазепа мне сказал,— возразил Карл,— что граница отсюда недалека. Мы должны туда пройти, чтобы иметь возможность сказать, что мы были также и в Азии». Гилленкрок ответил: «Ваше величество изволите шутить, и, конечно, вы не думаете о подобных вещах серьёзно?» Но Карл тотчас возразил на это: «Я вовсе не шучу. Поэтому немедленно туда отправляйтесь и осведомитесь о путях туда». Гилленкрок поспешил пойти к Мазепе, который немало испугался, когда услышал о словах короля, и сознался, что он сделал своё замечание лишь из любезности, и предложил свои услуги тотчас пойти к королю, чтобы навести его на другие мысли». Гилленкрок «предостерегающе сказал Мазепе: ваше превосходительство, отсюда можете видеть, как опасно шутить таким образом с нашим королём. Ведь это господин, который любит славу больше всего на свете, и его легко побудить продвинуться дальше, чем было бы целесообразно» [18].

Весь этот инцидент очень характерен. Вдумаемся в обстоятельства, при которых шёл этот разговор. Начинается та самая необычно ранняя (в середине февраля) весна 1709 г. со своими безбрежными разливами, которая явилась после долгих морозов новым бедствием для шведской армии. Шведы бродят и кружат по Слободской Украине, уже окончательно разуверившись в сочувствии украинского населения и мстя за это разочарование страшными избиениями и прямым разбоем. Вокруг — начинающееся колоссальное наводнение, и неизвестно, как вывести армию к Полтаве, которую нужно взять, чтобы оттуда идти завоёвывать Россию и брать Москву, а руководителю этой армии приходит в голову,

[17] G. Adlerfeld. Histoire militaire de Charles XII, roi de Suède. V. III, p. 420. Amsterdam. 1740.

[18] A. Fryxell. Lebensgeschichte Karl des Zwölfen Königs von Schweden. Teil II, S. 152 — 153. Braunschweig. 1861.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

попутно, счастливая мысль: ещё до взятия Полтавы, Москвы и завоевания России завернуть в Азию, которая так кстати случилась тут, всего в восьми милях от Коломака.

И после всего этого есть целая школа шведских историков и публицистов и немецких и английских антисоветских агитаторов, которые пресерьёзно настаивают на величии стратегической и политической мысли Карла XII!

Коренная ошибка, постепенно губившая Карла и, наконец, столкнувшая его в пропасть, — полное, до курьёза непонятное презрение к силам Петра и его армии,— сказывалась теперь, после всех тягчайших испытаний и переживаний зимнего похода, не меньше, а ещё больше, чем прежде. Кто хочет вникнуть в это состояние духа шведского короля и его штаба, должен дать себе труд прочесть терпеливо, страницу за страницей, труды обоих верных спутников и летописцев короля Карла: Адлерфельда и Нордберга. По этим «летописям» выходит какое-то сплошное триумфальное шествие по Слободской Украине. Русские разбиты! Русские перебиты! Русские не отважились! Русские испугались! У русских убито триста, а у нас (шведов) всего два! И т. д. без конца.

Пётр и Шереметев, как и в течение всей войны после победы при Лесной, сознательно избегали больших боевых столкновений, приказывали отступать, уклоняться от боя, продолжая почти непрерывно тревожить шведов нападениями и моментально исчезая после выполнения своих заданий.

Когда случалось, что завязывалось столкновение покрупнее, например, бой у Городни, где именно русские довольно жестоко разбили шведов, то дело изображалось так, будто вся беда произошла оттого, что шведы слишком пылко преследовали беглецов, а те вдруг оборотились назад и причинили неожиданную неприятность своим преследователям. Но потом королю докладывали о новых «победах» над 150, или 200, или 300 русскими кавалеристами, которые напали на кого-то, а потом, увидя приближающийся шведский отряд, «панически» бежали,— и снова всё казалось хорошо этому почти маниакально упрямому человеку, который продолжал совершенно не сознавать, в какой тупик он завёл себя и своих солдат и как, в сущности, безвыходно его положение.

Не следует удивляться тому, что Карл всерьёз поверил, будто Азия находится где-то между городами Коломаком на Украине и Харьковом. Ведь учился шведский воитель «чему-нибудь и как-нибудь».

К науке и книгам Карл всегда относился с глубоким равнодушием, а иногда и со снисходительной иронией. Став самодержцем пятнадцати лет от роду, он, от бога вверенной ему властью, объявил своё учение навсегда благополучно оконченным. А до миропомазания он успел лишь обучиться по-латыни (тогда это был обязательный язык высшего общества, наподобие позднейшего французского) и сверх того успел ознакомиться с протестантским изданием Библии. Такова была в основном его общая скромная эрудиция. По русской географии Карл имел только два «точных» сведения: во-первых, что город Воронеж лежит на Чёрном море (!) и что хорошо бы поэтому туда пройти (по дороге из Украины в Москву) и истребить там русский морской флот; во-вторых, что в восьми милях от шведского лагеря, в городе Коломаке в Слободской Украине, уже пролегает граница между Европой и Азией, так что рукой подать до той части света, куда с таким успехом некогда ходил Александр Македонский, этот, по мнению шведских верноподданных Карла XII, греческий прямой предшественник стоящего ныне, в 1709 г., между Псёлом и Ворсклой новейшего шведского Александра Македонского. Второй из этих географических справок любезно снабдил короля сам Иван Степанович Мазепа, давний житель здешних мест и надёжный королевский благоприятель и путеводитель (за которым не пропадёшь!).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

★

Напомним всю схему похода.

Карл XII входит в Белоруссию[19], располагается в Сморгонях, а затем в Радошковичах (февраль—май 1708 г.) и здесь, наслушавшись самых успокоительных и заманчивых россказней перебежчика-бригадира, немца Мюленфельса, изменившего Петру, окончательно решает ускорить развязку войны и идти не на Псков и Ингрию, как ему советовали Пипер и другие, а прямиком на Москву через Могилёв, Смоленск, Можайск, как он, впрочем, давно решил ещё задолго до появления Мюленфельса[20]. Он бьёт под Головчиным Репнина и идёт в Могилёв. Доходит он до Старишей (10—15 сентября) и здесь начинает колебаться. В Старишах на почтительный вопрос генерал-квартирмейстера и картографа Гилленкрока о дальнейшем плане действий король даёт изумивший и испугавший его генералов нетерпеливый ответ: «У меня нет никакого плана!» («Jag har ingen dessein!»).

После нескольких совещаний Карл отказывается от мысли идти на Смоленск по разорённой и «оголоженной» русскими дороге и круто поворачивает на юг, на Украину, где его, кстати, должен встретить друг Мазепа. Решено, таким образом, не ждать Левенгаупта с его громадным обозом, хотя армия уже начинает голодать. Вступают в Северную Украину — и начинаются поиски прочного и сытого пристанища. Но в Мглин русские (гарнизон и население) не пускают, в Стародуб не пускают, в Новгород-Северский не пускают. А пока, в пути, доходит до короля роковая новость: оказывается, что Левенгаупт настигнут Петром у Лесной 27 сентября и разгромлен 28-го, потерял весь свой колоссальный обоз (почти восемь тысяч груженых телег) и две трети своего отряда и еле ушёл с уцелевшими. Карл так потрясён этим известием, что не спит по ночам, не может оставаться один и часами молча сидит в палатке у генералов. Но вот ещё удар: вместо могущественного нового союзника, вместо «князя Украины» к Карлу, вышедшему из Пануровки, является 28 октября 1708 г. беглый гетман Мазепа не с 20 тыс., как обещал, а с 2 тыс. казаков, которых привёл в шведский стан обманом и которые начинают разбегаться. Шведы спешат в богатую столицу Мазепы — город Батурин, где их ждут припасы, как продовольственные, так и боевые, большая артиллерия и обильные запасы пороха. Но они опаздывают на несколько дней, и 2 ноября Меншиков берёт штурмом и дотла разоряет и сжигает Батурин. Поворачивают (всё в поисках зимних квартир) к Ромнам, входят в Ромны, затем в Гадяч. Карл порывается, несмотря на страшные морозы, идти в Лебедин, на восток (всё не теряя из виду основной цели — Москвы), но у Веприка наталкивается на яростное сопротивление гарнизона и жителей. Отходит от сожжённого Веприка, потеряв на его «взятие» столько, что хватило бы на большое сражение. Идёт из Опошни в Слободскую Украину, в январе — феврале 1709 г. — к Краснокутску, затем — к Коломаку, разоряет страну, зверскими мерами борясь здесь, как и в течение всего похода, с народной войной, и, всё время упорно отрезываемый от восточного направления большой русской армией, следующей за шведами и с тыла и с фланга, поворачивает на юго-запад и из Слободской Украины, варварски опустошив её в отместку за народное сопротивление, проходит в марте — апреле в Полтавщину, где и устраивает и располагает своё войско в Будище, в Яковцах, в Жуках, в Старых и Новых Сенжарах.

И вот Карл после года тяжкой, изнурительной войны, наконец, за-

[19] Иностранные историки понятия не имеют об отчаянном народном сопротивлении, которое шведы встретили уже в Белоруссии, и даже в самом начале, затем при их появлении в Северской Украине. Об этом имеются сотни документов в ЛОИИ, ф. Меншикова, картоны №№ 9, 10, 11 и др.

[20] Шведские генералы впоследствии безмерно преувеличивали влияние Мюленфельса на Карла XII. Мюленфельс под Полтавой был взят русскими в плен и повешен.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

видел «вал Полтавы». Три месяца идёт осада Полтавы, с яростными, победоносно отбиваемыми штурмами, с постояными вылазками героического гарнизона. Прошёл май, идёт июнь к концу. Не только мужчины, но и женщины и дети деятельно помогают коменданту Келину в обороне Полтавы. Русская армия переходит 20 июня через Ворсклу и становится совсем близко к шведам. Русские быстро устраивают свой ретраншемент и неустанно работают над возведением шести редутов. Близятся грозные исторические сроки.

Шведскому штабу перед сражением не могло не быть известно, что русская армия снабжена сильной артиллерией, снарядами и, главное, превосходным порохом, всегда вызывавшим в те времена зависть иностранцев. Если бы даже у шведов на все их орудия хватило пороху в роковой для них день 27 июня 1709 г., то и тогда они не могли бы противопоставить семидесяти двум русским орудиям никакой сколько-нибудь соответствующей артиллерийской обороны и не в состоянии были бы выдержать артиллерийскую дуэль. Но ведь почти все шведские пушки ещё до того, как попали в руки русских вместе со всем обозом в шведском лагере под Полтавой и затем в руки отряда Меншикова под Переволочной, не участвовали в сражении и, значит, представляли собой бесполезный железный хлам, так как пороху к началу боя хватило только на четыре орудия. Четыре шведских артиллерийских ствола против семидесяти двух русских!

Но и в данном случае Карлом руководили, как и в течение всего похода, безмерная самоуверенность и поразительное по неосведомлённости и губительнейшему легкомыслию презрение к противнику: захотел взять Полтаву, не тратя пороху, лихим штурмом без подготовки — положил несколько тысяч своих солдат и не взял. Видит, что придётся всё-таки тратить последние запасы пороху на артиллерийский обстрел Полтавы и на подводимые под город мины: ничего, пороху не щадить, город взять! Но обстрел ни к чему не приводит, класть мины как следует шведы не умеют, ни одна мина не взрывается, русские умудрились вовремя открывать эти мины и забирать из них порох себе на потребу [21]. Королю докладывают, что после этих новых трат пороха в конце апреля, мае, июне для предстоящего боя его может хватить уже только лишь на четыре пушки. Ничего! И без пушек можно будет русских перебить, а русский порох и весь их обоз забрать: «Всё найдём в запасах у московитов!» Таков был лозунг Карла, весело приглашавшего вечером 26 июня своих генералов «отобедать завтра в шатре у царя» [22].

Политически Карл положил начало гибели своей армии и шведского великодержавия, предприняв покорение России. Стратегически он совершил ряд непоправимых ошибок, подчинив все соображения одной мысли: кончить войну в Москве низвержением Петра с престола, причём завоевание Белоруссии и Украины было лишь как бы подсобной операцией перед далёким походом в Москву. О могуществе созданной Петром после Нарвы грозной, дисциплинированной, хорошо оснащённой регулярной армии Карл упорно не хотел и слышать; перебежавший к нему от Петра немец-бригадир Мюленфельс категорически уверял в полном распаде России, уже якобы начавшемся на юге и на востоке страны.

Наконец, обстоятельства сложились так, что когда наступил момент рокового боя, то Карл даже и как тактик,— то есть в области, в которой он был всегда гораздо сильнее, чем как политик и как стратег, — ни в малой степени не проявил своих талантов. Как и всегда, он обнаружил и в этот страшный для шведов день личное мужество, но и только. И Реншильд, и Левенгаупт, и Шлиппенбах, и Роос не получили от короля в это утро ни одного сколько-нибудь дельного, сколько-нибудь ценного

[21] О положении в шведском лагере см. ЛОИИ, ф. Меншикова, 1709, 5 июня, картон 11, № 144. Показания двух валахов.

[22] Пётр иронически напомнил об этом пленным шведским генералам, угощая их в своём шатре именно 27 июня, в назначенный Карлом день.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

указания. Шведские историки так же любят приписывать решающее значение в гибели войска Карла XII ране, от которой, лёжа в своих носилках, страдал король, как французские историки в стиле Луи Мадлэна любят объяснять поражение Наполеона морозами 1812 г., а бородинскую неудачу — тем, что император простудился. Страдающее патриотическое чувство побуждает их искать причины поражения в случайностях, а не в могучих моральных силах русского народа и в громадных размерах его военного потенциала.

Ни Карл, ни его штаб, включая весьма мудрого и проницательного (задним числом) генерал-квартирмейстера Гилленкрока, не имели, в самом деле, ни малейшего понятия о русском народе, о белоруссах, об украинцах и никогда даже не вводили в свои соображения мысли о том, что не только регулярные вооружённые силы Петра будут, не щадя себя, яростно биться с вторгшимся агрессором, но и население областей, через которые они будут проходить, окажет им упорное сопротивление, будет истреблять по лесам рассеянные остатки разгромленной армии Левенгаупта, будет избивать шведов у Стародуба и на берегах Псёла, Ворсклы, Днепра, будет уничтожать или отгонять от днепровского берега лодки и паромы, на которые так рассчитывал Мазепа, будет деятельно помогать гарнизону в отчаянной обороне Веприка, убегать из своих деревень при подходе шведов и ничего не доставит добровольно в лагерь врага — ни хлеба, ни леса, ни сена. Полный провал в деле Мазепы явился неожиданностью и для изменника и для его искусителей и покровителей. Уничтожение Батурина, разгром изменивших запорожцев, геройское сопротивление гарнизона и жителей Веприка и Полтавы — всё это были явления одного порядка, всё это было прямым последствием народной войны, которую и не предвидел Карл и которую он не понял, даже когда она шла за ним и по пятам, и навстречу, и с обоих флангов одновременно.

Второй причиной, содействовавшей превращению неизбежно неудачного при любых условиях похода в национальную шведскую катастрофу, было непонимание со стороны агрессора, кто стоит во главе этого великого своим патриотизмом и героическим духом народа, не желающего покоряться вторгнувшемуся захватчику. Громадная энергия, разнообразные способности ума, железная воля, полная неустрашимость, первоклассные дарования полководца, широчайший политический кругозор, уменье сдерживать, когда это требуется, бурные порывы своенравной натуры и во-время проявлять дипломатическую выдержку и маскировку — все эти качества исключительной личности, ставшей в 1708—1709 гг. во главе русского национального сопротивления, оказались недоступными разумению шведского короля.

Основная политическая цель, поставленная себе и своему войску Карлом XII, была абсолютно недостижима, даже если бы шведский король был несравненно умнее и талантливее, чем он был на самом деле, и даже если бы Пётр не обладал и малой частью той гениальности и энергии, которыми он обладал на самом деле. Но так как Карл XII решительно отказывался считаться с действительностью, так как накануне Полтавы он полагал, что предстоит повторение первой Нарвы, так как у него гармонически сочетались почти маниакальная самонадеянность, слепая мистическая вера в конечное полное торжество с таким же узколобым и безмерным презрением к Петру и к русскому народу и русскому войску, то окончательное крушение, покончившее с его безумными иллюзиями, оказалось таким уничтожающим, таким неслыханным, таким нестерпимо постыдным, о каком никогда и мечтать не могли самые непримиримые враги Швеции и её злополучного монарха.

★

Великая победа русских под Полтавой имела своим прямым последствием другое событие, довершившее уже не только поражение, хотя бы

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

и тяжкое, а неслыханное, полное уничтожение, в буквальном смысле, всей шведской армии.

Это событие произошло через три дня после Полтавской битвы, 30 июня (1 июля по тогдашнему шведскому исчислению или 11 июля по грегорианскому календарю), и называется в истории капитуляцией под Переволочной. Если лаконически, в двух словах, ограничиваясь основным, грубым в своей беспощадности фактом, характеризовать это событие, то должно сказать так: бежавшая с поля битвы в полном смятении половина шведской армии, почти шестнадцать тысяч человек, примчавшаяся в Переволочную, где Ворскла впадает в Днепр, остановилась тут, и когда преследовавший беглецов Меншиков послал требование немедленной, безусловной сдачи, то все они, не пробуя вступить в бой, сдались, хотя у Меншикова было в отряде всего девять тысяч человек, то есть лишь немного больше половины стоявшей перед ним шведской армии. Если принять во внимание, что в Полтавском сражении шведов было убито около 9300 человек [23], а взято в плен под Полтавой 2864 человека, то неопровержимые цифры, относительно которых в общем шведские показания на этот раз не расходятся с русскими, говорят нам недвусмысленно, что больше половины шведской армии было ликвидировано не 27 июня под Полтавой, а 30 июня (1 июля) 1709 г. под Переволочной. Под Полтавой шведы сражались очень храбро, и русские, хоть и купили победу «с лёгким трудом и малой кровью против гордого неприятеля», по выражению петровского «Журнала», но всё-таки потеряли 4635 человек убитыми и ранеными. А под Переволочной уцелевшая от полтавского разгрома и всё ещё крупная шведская армия сдалась без боя и без всяких условий неприятелю, который был гораздо малочисленнее, и уж этот огромный, окончательный успех не стоил русским ни одного человека [24].

С точки зрения политических последствий, с точки зрения воинской чести, эта капитуляция под Переволочной была для шведов фактом несравненно ещё более страшным, а для национального самолюбия более мучительным, чем полтавский разгром. Немудрено, что не только шведские, но отчасти и немецкие, и английские, и французские историки с давних пор либо старались поскорей обойти это событие, не желая признавать во всей полноте успех русских над вооружёнными силами лучшей из тогдашних европейских армий, либо пытались подыскивать смягчающие и оправдывающие шведов обстоятельства. Нельзя сказать, чтобы эти попытки отличались особенной убедительностью.

Начать с того, что эти старания направлены прежде всего к спасению воинской репутации Карла XII, успевшего бежать с Мазепой и с немногими шведами из ближайшего окружения и несколькими казаками-мазепинцами за Днепр, причём Меншиков опоздал всего на три часа и только поэтому не взял короля в плен. Один из последних шведских историков, посвятивший много усилий возвеличению гениальности и иных усматриваемых им душевных красот Карла XII целую книгу, Артур Стилле, дал сводку этой аргументации, крайне плохо «объясняющей» поведение короля, его генералов и его армии под Переволочной [25]. По позднейшим шведским показаниям, дело рисуется так. Ещё в первые часы бегства, когда Карла XII везли в карете его главного министра графа Пипера (сам Пипер сдался в плен в конце битвы), к нему подъехал Гилленкрок и спросил: куда направиться? Карл ответил, что надо снестись с генера-

[23] По «Журналу» Петра, 9234 человека.

[24] Ср. «Письма и бумаги Петра», тт. VII и VIII: Документы о Северной войне. «Дневник военных действий» Полтавской битвы (ТВИО, т. III); «Журнал» Петра; «Книга Марсова, или воинских дел».

[25] A. Stille. Carl XII-s fälttagsplanes, 1707 — 1709. Lund. 1908. Эта книга была в 1912 г. переведена на русский язык А. Полторацким под неточным названием «Карл XII как стратег и тактик». Стилле, как видим, назвал свою книгу скромнее — «Планы походов Карла XII в 1707 — 1709 годах».

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

лом Функом, который был в местечке Беликах, а потом уж можно будет решать, куда бежать дальше.

28 июня добежали до Кобеляк. Но тут сломалась карета, и Карла вынесли из неё и посадили на лошадь, которая вскоре в пути пала от утомления. Рана Карла снова раскрылась — да и перевязана была плохо — после того, как король в разгаре битвы выпал на землю из разбитых русским ядром носилок. Его пересадили на другую лошадь: задерживаться было совершенно невозможно. Беглецы уже знали точно о начавшемся со стороны русских преследовании. В ночь на 29 июня Карл остановился в Новых Сенжарах. Он не мог ехать дальше: рана раскрылась от быстрой езды и тряски. Но ему не удалось отдохнуть: его скоро разбудили известием, что приближается русская погоня. «Делайте, что хотите»,— ответил Карл. Он молчал, и когда его пересадили на лошадь (ехать в экипаже уже было опасно: русские настигали), то мчался вместе с совершенно расстроенными остатками армии, бежавшими в полном беспорядке.

Примчались под Переволочную. Куда дальше? Времени оставалось лишь часы, а ещё не было решено: переправляться ли через Ворсклу, которая тут впадает в Днепр, или через Днепр? Карл XII не мог решить, кто из его спутников прав: те ли, кто советует переправиться через Ворсклу, или те, кто советует переправиться через Днепр? Первое казалось легче, потому что Ворскла более мелкая и узкая. За Ворсклой начинались татарские (т. е. вассальные относительно Турции) владения, за Днепром — турецкие. И от татар и от турок можно было ждать гостеприимства. Хотя, конечно, и те и другие не ожидали появления Карла в таком виде... Пока происходили эти колебания, в Переволочную подтянулась утром 30 июня вся бежавшая от Полтавы армия; генерал Крейц, на этом переходе ею командовавший, осмотрев берег, заявил, что для переправы через широкий Днепр нет никаких средств, и хотел повести войско к Ворскле. Но тут сразу же обнаружилось, как пала дисциплина в шведской армии: солдаты настолько воспротивились, что Крейц решил отложить дело переправы через Ворсклу на другой день. Но уже не было для шведской армии этого другого дня.

Поступили новые тревожнейшие известия: русские войска сейчас будут у Переволочной. Карлу перевязывали рану, когда к нему подошли генералы во главе со старшим из них — Левенгауптом. Они заявили королю, что нужно немедленно ему лично спасаться переправой через Днепр. Король раздражался и отказывался. Но выхода другого не усматривалось. На вопрос, поставленный Крейцу, возможно ли дать русским бой тут же, на берегу, генерал ответил, что он не знает, кого приведут русские: если только конницу, то попытка сопротивления возможна, если же придёт и пехота, тогда «нельзя сказать, что случится».

До той поры Карл XII никогда не бежал от опасности, всегда считал это величайшим позором, презрительно издевался над побеждённым и спасающимся врагом. Окружающие очень хорошо понимали его состояние в ту минуту, о которой они вспоминали всю жизнь. Карл решил уйти за Днепр. Впоследствии, через три с половиной года после Полтавы, силясь избавиться от постыдного воспоминания, мучившего его, он писал своей сестре Ульрике-Элеоноре, регентше Швеции, что, покидая погубленную им окончательно армию, был убеждён, что его солдаты будут как-нибудь переправлены через Ворсклу и что он с ними встретится в Очакове, куда он сам бежал. Всё это неясно. Почему он не переправился через Ворсклу и сам, а предпочёл путь через Днепр? Если через Ворсклу почему-либо было легче уйти целой армии, то подавно легче было бы уйти и ему с его маленькой свитой. Очевидность говорит о том, что королю предстояло либо немедленно, через несколько часов, попасть в плен к русским («Лучше ехать к туркам, чем попасть в русский

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

плен»,— сказал он), либо дать бой спешившему к Переволочной русскому отряду. Но, потеряв всю артиллерию и все боезапасы, имея изнурённых тяжким боем и трёхдневным почти безостановочным бегством людей, думая, что на него движется вся победоносная русская армия, Карл, к тому же измученный своей незаживавшей раной, просто не решился идти сам и вести за собой уцелевшую от Полтавы половину своего войска на немедленную полную гибель под русскими штыками и пулями. Может быть, он обманывает самого себя, когда пишет в декабре 1712 г. своей сестре, что так как он из-за своей раны не мог быть уже в тот момент, 30 июня 1709 г., полезен своей армии, то поэтому сдал верховное командование другому.

Кто же был этот другой? Генерал Левенгаупт, старший чином из всех бывших у Переволочной генералов, был старым и опытным воином, за которым числилось в его боевой карьере много успехов. Была, правда, и тяжкая, непоправимая неудача; но не потому он потерпел 28 сентября 1708 г. поражение под Лесной, что был плох, и не потому, что его солдаты были плохи, напротив, они были гораздо лучше немецких, английских, французских, но потому, что Пётр оказался искуснее и проницательнее его, а русские солдаты нисколько не походили на тех, которых король победил когда-то в 1700 г. под Нарвой, они ни в чём не уступали лучшим, отборным шведским полкам, а вооружением превосходили шведов, и сражались русские именно в эту войну гораздо лучше шведов, потому что думали о спасении родины от наглого захвата, а шведы — лишь о заманчивых будущих грабежах в Полтаве, Киеве, Харькове и Москве. Моральное состояние русских войск с самых первых дней нашествия было несравненно выше шведского. Левенгаупт испытал это под Лесной, Карл XII — под Полтавой. Под Переволочной только подводились окончательные итоги.

Покидая армию, Карл должен был тут же решить, кому он вручает власть над нею.

Генералы и офицеры стояли вокруг короля, убеждая его, что единственное его спасение — в бегстве. Карл попрежнему не был даже полтавским разгромом поколеблен в том особом предпочтении и покровительстве, которые единоспасающий истинный бог, бог Лютера и капеллана Нордберга, непременно окажет, в конце концов, ему, «помазаннику господню, королю шведов, готов и вандалов, божьей милостью». «Если бы враг вознамерился нас атаковать, то мои войска, видя меня первого на коне, не будут больше думать о происшедшем несчастье. Они ринутся в бой с той же храбростью, которую они постоянно выказывали во всех случаях, когда я был во главе их. Они одержат победу. Сколько примеров приводит нам история, когда армии, только что разбитые и покинувшие поле битвы, одерживали немного дней спустя блестящие победы над торжествовавшим врагом? Мы надеемся на всё от провидения!» [26].

Слушавшие глядели на оратора, лежавшего на носилках, и, твёрдо зная, что, во-первых, и на коня он не сядет, а, во-вторых, если бы и сел, то войска за ним ни за что не пойдут, принялись опять убеждать его в полной невозможности всего того, о чём он говорит.

Дальше предоставляем слово Левенгаупту, который на другой день рассказал Петру о последних часах Карла перед бегством за Днепр.

Когда 1 июля Пётр прибыл в Переволочную и Меншиков ему тут рапортовал, что в плен он взял 16 295 шведов, то Пётр приказал привести взятых в плен при Переволочной генералов во главе с Левенгауптом. Царь спрашивал Левенгаупта о здоровье короля и его ране. Левенгаупт объявил, что рана весьма серьёзна. Затем на вопросы о короле Левенгаупт объявил: «...когда отошедшая армия с полтавской баталии вся собралась к Днепру, то государь его король оную армию вручил ему, Левенгаупту».

[26] J. Nordberg. Histoire de Charles XII. V. II, p. 317. La Haye. 1748.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

А на слова Левенгаупта, что провианта имеется «с нуждой» на три дня и что прикажет король делать, если подойдут русские «в великой силе», Карл ответил: «что военным советом утвердите, то и исполните». Король прибавил, что при разлучении с армией чувствует, «как бы и душа его с телом разлучалась, но то ему велит неволя делать». Характерно для Карла ещё его заявление при этом, что «едет он к султану турецкому требовать от него помощного войска, через которое бы мог похищённое возвратить и неприятелю воздать равномерно». Уже идя к лодке, король сказал: «Более медлить здесь не могу», — а затем прибавил, обращаясь к отсутствующим: «Простите, друзья мои, верные и истинные, граф Пипер и Реншильд! Когда б я вашего совета слушал, воистину не был неблагополучен». Он поцеловал Левенгаупта и генералов, а уж садясь в лодку, опять сказал, как мы знаем и по другим показаниям, что лучше бы ему Днепр стал гробом, чем разлучаться с ними, и что он чувствует, будто его душа покидает его.

Подведена была к берегу большая лодка, куда вошли гребцы — несколько шведских драгун. К лодке привязали другую, на которую поставили повозку короля.

Карл XII с несколькими провожатыми отплыл на правый берег Днепра, покидая навсегда русскую землю, которую он первоначально предполагал завоевать, пройдя через Смоленск в Москву, а впоследствии намеревался это сделать, пройдя от Полтавы через Харьков в Москву и свергнув там Петра с престола. Высадившись на правом берегу Днепра, Карл, сопровождаемый несколькими сотнями верховых и пеших, пересел в повозку и трясся в своей повозке по выжженной жгучим июльским солнцем беспредельной, безводной, безлюдной степи, оглядываясь ежеминутно, не гонятся ли русские. Рана от тряски опять раскрылась. Король не обменялся ни с кем ни единым словом. Он был всегда молчалив — и в долгие годы блестящих побед и почти непрерывных завоеваний и в начинавшиеся теперь для него времена унижения, бессилия и стыда. С ним был и Аксель Спарре, столь преждевременно назначенный московским губернатором.

Не все желавшие бежать за Днепр достигли другого берега. Король лично переправился благополучно, но несколько сот казаков и шведов, бросившихся вплавь, так как почти никаких перевозочных средств не было, на глазах короля потонуло в реке. Спасшиеся гурьбой следовали двумя колоннами: одна — за Карлом, другая — за Мазепой. Тотчас после переправы, отойдя в глубь степи, обе колонны соединились и быстро удалились от страшного для них Днепра, откуда можно было ожидать немедленной погони. Когда Меншиков спустя три часа подошёл к Переволочной, вся толпа беглецов с королём во главе уже бесследно исчезла в необозримой степной пустыне.

★

Никто не знает истинных переживаний Карла, покинувшего своих солдат, но зато всем известно, что он был опытный полководец, и именно поэтому трудно поверить, что он не кривил душой, когда впоследствии стал злобно и вопиюще несправедливо обвинять не себя, а Левенгаупта в гибельном конце оставшейся на левом берегу Днепра шведской армии, брошенной им самим на явную и близкую гибель.

Но что мог сделать Левенгаупт при всём желании спасти армию? И некоторые современники и затем многие шведские историки укоряют его в том, что он упустил время и не повёл войско к берегу Ворсклы, где будто бы можно было организовать переправу.

Это было абсолютно невозможно. Шведская армия уже развалилась, так как в ней исчезла дисциплина ещё до того грозного момента, когда на возвышенностях над шведским расположением появился головной отряд Меншикова.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Солдаты одного из лучших шведских драгунских полков первые отказались повиноваться ещё тогда, когда Левенгаупт собирался отвести их к берегу Ворсклы. Началось дезертирство: солдаты либо разбегались во все стороны и прятались либо даже перебегали в лагерь Меншикова. Деморализация в таких чудовищных размерах охватила не всё войско, были исключения: офицеры, готовые сражаться, — но, конечно, с момента подхода русских всё пропало безнадёжно. Наступило утро 1 июля 1709 года.

К шведскому аванпосту приблизился русский генерал в сопровождении барабанщика. Меншиков требовал немедленной и безусловной сдачи всей шведской армии, грозя в случае отказа напасть и беспощадно истребить её. Посланный генерал ждал немедленного ответа.

Левенгаупт сейчас же приказал всем командирам полков собраться и предложил ответить на вопрос: могут ли они рассчитывать на своих солдат? Откажутся ли их солдаты выполнить боевой приказ или не откажутся? Ответ он получил самый недвусмысленный: люди сражаться едва ли будут. А некоторые командиры даже вполне уверенно ручались, что солдаты не будут слушаться приказа. Обнаружилось, что они уже и сейчас не слушаются: они отказались накануне (29 июня) исполнить приказ запастись, где им было указано, патронами.

Стилле, Ерне и другие историки, во имя спасения чести короля слагающие всю вину на Левенгаупта, приводят примеры героических ответов некоторых офицеров и т. д. Но эти героические ответы охотно давались впоследствии в дневниках, письмах, воспоминаниях, а Левенгаупт их 30 июня что-то не слыхал.

Итак, альтернатива была одна: или выполнить категорическое требование Меншикова или быть истреблёнными при совсем безнадёжной попытке начать сопротивление. Левенгаупт ещё пробовал чуть-чуть замедлить и отсрочить неизбежное. Он предложил офицерам отправиться в свои части и спросить солдат: будут ли они сражаться? Но, во-первых, солдаты даже и собирались очень плохо, чтобы выслушать этот вопрос главнокомандующего, а, во-вторых, если давали ответ, то крайне уклончивый и оговаривали, что «если русских не очень много», то будут сражаться. «Положительные» ответы были редки, и значение их сомнительно. Левенгаупт признал, что армия предпочитает капитулировать «на почётных условиях». Этот ответ и был передан князю Меншикову. Никаких «почётных условий» Меншиков не дал, и Левенгаупт немедленно сдал всю, ещё остававшуюся после Полтавы, шведскую армию. Шведские исследователи приводят как общую цифру пленных на Переволочной, на основании шведских архивных данных, 15 729 человек, Пётр в своём «Журнале» даёт цифру 15 921 человек, которая представляется даже некоторым шведским исследователям более точной.

Могущественная, стойкая, превосходно обученная шведская армия, долгие годы бившая датчан, поляков, немцев, казавшаяся страшной австрийскому императору и непобедимой лондонскому кабинету и версальскому двору, прекратила своё существование. Ещё 26 июня вечером её вожди говорили о будущем триумфальном взятии Москвы, а 30 июня (1 июля) вся артиллерия, все боезапасы, весь обоз и вся шведская армия, кроме тех, кто остался под Полтавой на поле боя, были во власти русских и отправлялись постепенно на работы во внутренние области России. Начинался плен, который для некоторых шведских генералов, офицеров и солдат окончился в 1721 г., а для очень многих — с их жизнью.

Слава, воинская честь, личная будущность — всё развеялось, как дым, при этой ужасающей катастрофе.

Главный министр граф Пипер, генерал Левенгаупт, ещё некоторые сподвижники Карла уже никогда не вернули своей свободы, но, умирая пленниками в России, они всё-таки ещё не знали, до какой степени непоправимо рушилось шведское великодержавие.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Это поняли вполне лишь позднейшие поколения.

Небывалое несчастье Карла XII под Полтавой и ещё более невероятный позор безусловной капитуляции под Переволочной покончили со вторгшейся в Россию шведской армией. К такой краткой формуле сводились приходившие в Европу непрерывным потоком известия о событиях 27 июня — 1 июля.

Всё-таки перед боем у Карла была армия до 30 тысяч человек, думали, что был порох и была артиллерия, хоть и не очень большая, наконец, был, хоть и очень скудный, обоз, то есть плоды беспощадного грабежа украинского населения, того грабежа, который под руководством изменника Мазепы и шведских генералов творился месяцами в оккупированных областях страны. Как стала возможной будто не в действительности, а в волшебной сказке происшедшая катастрофа, полное исчезновение всей вооружённой силы, которой завидовал «король-солнце» Людовик XIV, которая годами держала в страхе всю Северную и Центральную Европу? Почему бежали врассыпную, оставя на поле боя девять тысяч трупов своих товарищей и три тысячи в плену, шведские воины после «генеральной баталии» — двухчасового боя? И, главное, как дожил Карл XII до такого стыда: до сдачи уже спустя три дня после Полтавы без боя, без единого выстрела ещё и остальных шестнадцати тысяч беглецов, еле унесших ноги из-под Полтавы, но всё-таки имевших при себе ещё и часть артиллерии и немного пороха и ружья со штыками? Ведь Европа наблюдала издалека события на всём долгом пути шведской армии по Литве, Белоруссии, Северской Украине, Слободской Украине, Полтавщине, и ни разу не было слышно о каких-либо неудачах Карла. Не знали в широкой публике ровно ничего точного, хотя правительственным кругам в Лондоне, в Гааге, а особенно в Копенгагене было ещё до Полтавы известно немало и о Лесной и о голоде в армии Карла. Но обыватель ровно ни о чём не знал. В звезду шведского короля верили крепко. Маленькая заминка случилась с Левенгауптом под Лесной? Потерял, говорят, несколько повозок с провиантом? Ничего, дело наживное! Да и стоит ли говорить о таких мелочах, когда сам «князь Украины» Мазепа объявил себя вассалом непобедимого Карла и когда теперь уже владения великого Александра Македонского, в Швеции воскресшего, простираются от Балтийского моря до Чёрного! С восхищением передавалась апокрифическая речь Мазепы, ставшего на колени перед Карлом в момент их первой встречи 28 октября 1708 г. и будто бы сказавшего: «Я приведу к вам, великий государь, столько казаков, сколько песку на берегах Чёрного моря, которое отныне вам принадлежит!» Военные люди, правда, иной раз выражали удивление и недоумение: зачем Карл тащит свою армию в поход зимой, да ещё такой зимой, как стоявшая во всей Европе с ноября 1708 до середины февраля 1709 г., когда даже лагуны в Венеции замёрзли, чего с ними никогда ещё не случалось!

Но на это был готов ответ: если новый Александр Македонский так поступил,— значит, так и нужно было. Ведь ему уже девятый год подряд всё удаётся, и если бывали у шведов изредка неудачи, то исключительно в тех случаях, когда при войсках не было короля. Наконец, можно ли сомневаться в успехе, когда он так презирает своего противника, которого он гонит прочь и будет гнать, пока тот не станет перед ним в Москве на колени? Нужно отметить, что большое впечатление производило и демонстрировавшееся Карлом при всяком удобном и неудобном случае нежелание признавать Петра даже достойным, чтобы шведский король с ним объяснялся. Петру писал заискивающие письма сам французский «король-солнце», могущественный Людовик XIV, перед ним рассыпалась (по делу об оскорблении посла Матвеева) в льстивейших, почти униженных извинениях и комплиментах (ещё перед Полтавой) английская королева Анна, перед Петром пресмыкались и король польский, он же курфюрст саксонский Август II, и король прусский Фридрих-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Вильгельм I, его милостей и доброго расположения искали могущественная, богатая Голландская республика, датский король, австрийский император, а он, Карл XII, ни разу не ответил Петру на многократные предложения мира, громогласно заявил, что кончит войну, войдя в Москву и низвергнув Петра с престола, а Россию раздробит на уделы и отдаст, кому захочет.

Это знали все. И знали также, что глубокое продвижение шведской армии к югу, к Ворскле, и попытки Карла круто повернуть от этой линии, от рек Псёл и Ворскла к востоку на Белгород, Курск, Москву показывают с полной очевидностью, что программа Карла XII развивается неуклонно и с успехом. Не вполне удалось у Веприка — удастся у Опошни, не удастся у Опошни — удастся у Коломака или у Полтавы, но поворот на восток — на Белгород, Харьков, на Москву — не за горами.

И вдруг Европе пришлось узнать, без малейшей подготовки, что всё это предприятие Карла XII было какой-то бредовой фантазией, что вся шведская армия в один день оказалась либо на том свете либо в плену, что русская армия достигла этого невероятного торжества одним страшным ударом, и притом с ничтожными сравнительно жертвами. Вывод о том, что во-время «не заметили» русского правителя и всё время принимали его за кого-то другого, а самое главное, что ничего не поняли в стоящем за ним великом народе, был особенно ошеломляющим своей неожиданностью.

Конечно, прежде всего ждали объяснений и обстоятельной информации из Швеции. Но не много возможно было толком узнать. Оттуда шли сплошные умышленные извращения и фантастические измышления, имевшие целью скрыть или хоть смягчить страшную правду.

Эти горестные недоумения в Швеции начались сейчас же после катастрофы и не разрешались пять с половиной лет, вплоть до возвращения Карла XII в Европу в ноябре 1714 года.

Полтавская катастрофа знаменовала, конечно, не только перелом в войне, но и безнадёжный проигрыш её для Швеции. И, однако, Северная война продолжалась ещё двенадцать лет.

Рассмотрим сначала, каковы были планы Карла XII после постигшего его страшного удара, а затем дадим себе отчёт в причинах, почему в самой Швеции, в тех кругах землевладельческого дворянства и уже давно возникшего и начинавшего оказывать некоторое влияние торгово-промышленного класса нашлись элементы, которые не только до смерти Карла в 1718 г. поддерживали его безнадёжные усилия поправить непоправимое, но и после 1718 г. ещё некоторое время были достаточно сильны, чтобы срывать мирные переговоры.

Начнём с Карла. Теперь так долго волновавший современников в Европе загадочный для них вопрос о длительном пребывании в Турции бежавшего из Переволочной в Бендеры шведского короля уже ничего таинственного в себе не заключает. Объяснять это одним только мучительным стыдом Карла, не желающего показаться на родине после гибели армии и бегства с поля боя, нельзя, хотя и это сентиментальное объяснение некогда давалось. Мы документально знаем теперь, что у Карла очень скоро после прибытия в Бендеры возник план склонить султана, визиря и весь Диван к объявлению войны России, стать во главе большой турецкой армии и повести её против ненавистного полтавского победителя. Куда повести? Прежде всего в Польшу, которая непосредственно граничила с Турцией и где, может быть, ещё найдутся даже после Полтавы сторонники Станислава Лещинского. А затем можно повторить и поход на Москву, так досадно и так «случайно» прерванный.

Весть о полном разгроме «непобедимой» шведской армии, о бегстве Карла, о немногих утренних часах боя, которые ознаменовали конец шведского великодержавия, царившего на Севере полтораста лет, поразила европейскую дипломатию.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

С 14 марта 1709 г., когда в Стокгольме было получено письмо от короля, писанное из Ромен ещё 10 декабря 1708 г., в Стокгольме ровно ничего не знали ни о короле, ни о всей шведской армии. Слухи ходили (особенно с конца весны 1709 г.) самые разнообразные. Карл разгромил Петра и вошёл в Москву. Шведы пошли в Воронеж и сожгли русский флот. Шведской армии приходилось бороться с морозами, но она теперь очень бодра и хороша. Россия восстала против царя, и он низвергнут, и т. д., и т. д. Смутные и столь же разнохарактерные слухи бродили и по всей Европе. Трезвее всех судили и именно поэтому беспокойнее всех себя чувствовали англичане. Но в самой Швеции преобладал оптимизм.

И вот в конце августа 1709 г. пришло, наконец, письмо Карла из Очакова стокгольмскому Государственному совету[27]. Письмо было датировано 12 июля 1709 г. (с прибавлением правильно высчитанной даты: по грегорианскому календарю, 22 июля, а не 23-го, так как 12 июля по шведскому календарю соответствует 11 июля по юлианскому).

Письмо было писано под диктовку Карла. Это и было первое известие о несчастье, полученное в Швеции. Это коротенькое известие не давало, правда, сколько-нибудь ясного понятия о размерах катастрофы, но всё же говорило о бегстве короля с немногими провожатыми, о пленении графа Пипера, Гермелина и ещё нескольких человек, но ни звука о фельдмаршале Реншильде и всём штабе.

Во всех письмах, оставшихся от Карла, в которых он упоминал о Полтаве (а он никакого описания или хоть краткого рассказа о битве не оставил), король неизменно старается преуменьшить значение страшного удара и сознательно скрывает факты реальные и выдумывает то, чего никогда не было. Первым оставшимся от него документальным свидетельством о Полтаве было это официальное послание в Стокгольм в адрес «Комиссии обороны» шведского правительственного совета, ведавшей делами войны. Карл требует новых рекрутских наборов и создания и пополнения полков[28]. Письмо писано королём почти тотчас по прибытии в Очаков. После Полтавы прошло всего две недели. И вот что он повествует своим верноподданным: «Прошло значительное время, как мы не имели сведений из Швеции и мы не имели случая послать письма отсюда. В это время обстоятельства здесь были хороши, и всё хорошо проходило, так что предполагали в скором времени получить такой большой перевес над врагом, что он будет вынужден согласиться на заключение такого мира, какой от него потребуют. Но вышло благодаря странному и несчастному случаю так, что шведские войска 28-го числа прошлого месяца[29] потерпели потери в полевом сражении. Это произошло не вследствие храбрости или большой численности неприятеля, потому что сначала их постоянно отбрасывали, но место и обстоятельства были настолько выгодны для врагов, а также место было так укреплено, что шведы вследствие этого потерпели большие потери. С большим боевым пылом они (шведы), несмотря на все преимущества врага, постоянно на него нападали и преследовали его. При этом так случилось, что большая часть пехоты погибла и что конница тоже потерпела потери. Во всяком случае, эти потери велики. Однако (мы) теперь заняты приисканием средств, чтобы неприятель от этого не приобрёл никакого перевеса и даже не получил

[27] Handlingar hörande till Konung Carl XII-s Historia, S. 23. VI. Copia af Secreteraren Bongs bref till Hr. Regerings Rådet Lagerström, dat: Lägret wid staden Osson (Oczakow?) (sic: вместо Очаков) intet landt från Mynningen af Bogeströmmen (Буг) i Turckijet d: 12/22 Julii 1709. О том же см. Konungen till Rådet argalnde slaget vid Pultava fägret wid Staden Osson (Oczakow) ut med Swarta hafwet den 12 Julij 1709 (напечатано в «Historiska Handlingar». T. IV, стр. 157. Стокгольм. 1864).

[28] «Konung Karl XII, jegenhändiga bref. Samlade och utgifna af Ernst Carlson». стр. 363—365 (Kanslikoncepter etc.).

[29] Как уже сказано, по шведскому стилю к русскому числу тогда прибавлялся один день. Новый стиль был введён в Швеции лишь во второй половине Северной войны.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

бы ни малейшей выгоды»[30]. А потому нужно восстановить воинскую силу, «чтобы иметь возможность встретить дальнейшие злые нападения врага». Дальше идут распоряжения военно-административного и технического характера. И кончается этот документ приказом как можно строже держать русских пленных в Швеции! Это письмо, как и позднейшие письма к сестре, просто поражает своей лживостью. Карл, человек вполне бесстрашный, никогда не лгал бы для спасения, например, своей жизни, но для того, что он считал спасением своей славы, которая для него была всегда дороже жизни, он лжёт без зазрения совести: он не проиграл сражения — проиграл Левенгаупт; Полтава особого значения не имеет; если бы Левенгаупт при Переволочной не сдался, то он, Карл, сейчас пошёл бы опять в Польшу и т. д. Конечно, ему нужно было не только «спасти лицо», но и предварить тот упадок духа, который, как он отлично понимал, непременно охватит Швецию, когда страшные, невиданные размеры полтавского разгрома начнут окончательно выясняться. Но для этого не требовалось до такой степени резко уклоняться от истины, как он это делает и в этом официальном послании и, как увидим, спустя три года, в 1712 г., в интимном письме к любимой сестре Ульрике-Элеоноре. Не требовалось также — всё с той же целью показать, что ничего особенно важного не случилось и ничуть он русских не боится, — делать жестокие распоряжения об усилении строгости по отношению к русским пленным, с которыми и без того очень плохо обращались в Швеции: их избивали и морили голодом. И когда он это делает? Через две недели после Полтавы и Переволочной, зная, что девятнадцать тысяч шведов и вспомогательные войска попали в плен к русским, то есть вся армия, кроме убитых в день Полтавского боя и павших от голода, усталости и ран во время стремительного, панического бегства от Полтавы к Переволочной.

Карл XII всегда в своих письмах повествовал о военном положении, абсолютно не стесняясь фактами. Таким Карл был всегда — и до Полтавы и после Полтавы — и таким сошёл в могилу. Он никогда не мог понять, что есть пределы, перейдя которые ложь начинает возбуждать не только недоумение, но и смех.

Вот он, едва придя в себя в Бендерах[31], потеряв армию, претерпев стыд страшнейшего из возможных поражений, еле отдышавшись от продолжавшегося несколько дней бегства от русской погони, садится за стол и пишет своей любимой сестре и наследнице Ульрике-Элеоноре. Всё письмо наполнено исключительно родственными нежностями, вопросами о здоровье и т. д. А уж после обычной подписи: «Carolus» — прибавлен маленький постскриптум, как бывает, когда человек спохватывается перед тем, как запечатать письмо, что забыл ещё одну мелочь, потому что нельзя же обо всём помнить: «Здесь всё хорошо идёт. Только к концу года (Карл, очевидно, имеет в виду год от начала вторжения в Россию, то есть от июня 1708 г.) вследствие одного особенного случая армия имела несчастье понести потери, которые, как я надеюсь, в короткий срок будут поправлены. За несколько дней перед сражением я тоже получил одну любезность (Карл тут вставляет в своё шведское письмо французское слово: faveur) в ногу, которая помешала ездить верхом, но я думаю, что я скоро избавлюсь от ущерба, который состоит в том, что я некоторое

---

[30] «Konung Karl XII, jegenhändiga bref. Samlade och utgifna af Ernest Carlson», стр. 364.

[31] Небольшое исследование о бегстве Карла XII от Днепра до Бендер, изобилующее неточностями, но ценное по собранным автором местным преданиям, помещено в третьем томе «Записок Одесского общества истории и древностей». Одесса. 1853: «Повествования. Карл XII в южной России», стр. 306—337. Ср. также воспоминания Понятовского, бежавшего вместе с Карлом («Un frère d'armes de Charles XII». «Revue Contemporaine» N 1—7. 1910).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

время должен был прервать верховую езду»[32]. Вот и всё, что он может сказать о Полтавской битве... Полтава — это просто военная случайность, один такой особенный случай, и всё поправится «в короткий срок»!

С отличающей его самонадеянностью и верой в собственную непогрешимость Карл XII упорно стремился доказать, что, собственно, главное дело было не в проигрыше Полтавского боя, но в том, что Левенгаупт сдался с остатком армии у Переволочной. Графиня Левенгаупт, которая знала, что её несчастный муж, томящийся в плену (откуда он уже никогда не вернулся), загублен, как и вся шведская армия, убийственными политическими и стратегическими ошибками короля, написала в 1712 г. любимой сестре короля, принцессе Ульрике-Элеоноре письмо, в котором оправдывала своего мужа. Ульрика-Элеонора всецело стала на её сторону, понимая, как и буквально все, что Переволочная была прямым и неизбежным последствием полного разгрома шведов в Полтаве. Но вот как ответил сестре Карл. Это письмо — любопытный исторический и психологический документ[33]. «Что касается прошения графини Лейонхуфвуд (Карл XII, как тогда при дворе было принято, переводит в точности с немецкого на шведский фамилию Левенгаупт — львиная голова: Leyonhufvud), которое вы, mon coeur, мне благоволили переслать, то оно состоит в том, что она (графиня) очень хочет попытаться извинить поведение её мужа на Днепре. Я бы очень желал, чтобы дело обстояло так, чтобы я мог согласиться, что вина не лежит на её муже. Однако дело слишком ясно и неоспоримо, что он действовал позорным образом вопреки повелению и солдатской обязанности и причинил невознаградимый ущерб, который ни в каком случае не мог бы быть больше, даже если бы он отважился на самое крайнее. Раньше он всегда вёл себя достославно и хорошо, но на этот раз, однако, у него был отнят разум, так что ему едва ли можно будет в будущем что-нибудь поручить. Потому что подобная капитуляция, на которую он пошёл, слишком опасное действие уже вследствие (дурного) примера. Если не считать её достойной наказания, то и наилучшая армия будет всегда в опасности по незначительным случаям попасть в руки неприятеля и таким образом сразу потерять свою славу, которую она долго себе заслуживала в боях. Я не думаю, что он это сделал из предвзятого злого умысла или по личной трусости. Однако на войне это не извинение, но он, вероятно, совсем потерял голову и слишком пал духом, чтобы напасть (на врага), как должен делать генерал, когда дело обстоит плохо. Потому что тогда это — безответственно дать заметить свою нерешительность, как он это сделал. Если бы он меня не уверил совсем в другом, то я бы его там не оставил. Но он сам предложил взять на себя верховное командование. Я вначале сам не хотел уходить, но долго обдумывал. Но так как меня уверили, что последуют моему приказу, что мы, несомненно, встретимся у Очакова и что он (Левенгаупт) приложит величайшее старание, чтобы сохранить людей и сжечь обоз (однако ничего этого не было выполнено), то я переправился через Днепр и пошёл к Очакову. Так как я из-за моей ноги не мог никак сесть на коня, то я счёл необходимым сначала прибыть в Очаков, чтобы оттуда иметь возможность отправить нужные письма о полтавской битве к шведской армии в Польше, чтобы она получила правильную связь и подождала, пока я к ним пройду с войсками, которые я оставил Лейонхуфвуду. И в Швецию были посланы из Очакова письма, чтобы пополнить полки рекрутами. Во всяком случае, и я тоже сделал промах, а именно: я забыл передать далее по армии всем другим генералам и полковникам, там находившимся, тот приказ, который знали только

[32] «Konung Karl XII, jegenhändiga bref», стр. 97. № 72. Привожу в подлиннике невероятную фразу Карла XII, что «здесь всё хорошо идёт»: «Här har alt gått väl». Это он пишет сестре, впервые извещая её о Полтаве.

[33] Карл XII — Ульрике-Элеоноре. Бендеры, 14 декабря 1712 г. № 82 «Konung Karl XII, jegenhändiga bref», стр. 121—124.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Лейонхуфвуд и Крейц. Тогда бы никогда не случилось того, что произошло, потому что все другие начальники были в недоумении и не знали никакого приказа, потому что им его не сообщили, и не знали они, ни куда со своими полками им должно двинуться, ни куда я уехал. Я поэтому думал о том, чтобы с ними всеми говорить. Но так как у меня было много мелких дел и распоряжений и я поэтому должен был со многими объясниться и притом возиться с фельдшерскими перевязками, то я забыл поговорить со всеми о моём приказе так, как это должен был бы сделать, и это была большая ошибка с моей стороны. Но отчасти меня можно извинить: так как я был ранен и должен был привести в порядок в это время свою ногу, я мог кое-что забыть, особенно так как разные люди из тех, которые были здоровы, мало о чём думали и только исходили в жалобах, что на этот раз было совсем не нужно и очень вредно. Никак нельзя взвалить вину на офицеров и рядовых, будто они не хотели сражаться и сделать всё, что от них требовали».

Тут много и ошибочных утверждений и прямой самой постыдной лжи. Карл не мог не понимать того, что понимала вся Европа, то есть что Полтава не была «незначительным случаем», а была страшным, уничтожающим, непоправимым разгромом. Он грубо ошибался или сознательно обманывал сестру, когда писал, будто солдаты и офицеры были готовы сражаться у Переволочной. Они решительно были уже не способны к бою в этот момент. Военный человек большого опыта, он не мог никак быть уверенным, что, мол, уедет пораньше, а дня через два — три «встретится в Очакове» с покидаемой им армией, измученной страшным поражением и трёхдневным бегством до Переволочной, оборванной, изголодавшейся, без снарядов, что эта армия каким-то чудом разобьёт преследующего её по пятам Меншикова и (без перевозочных средств!), переправившись каким-то новым чудом через Днепр, явится как ни в чём не бывало к королю в Очаков. Да ещё пойдёт с ним из Очакова или Бендер воевать в Польшу! Верить во всё это, не сойдя с ума, Карл не мог, потому что если бы верил, то ни за что не покинул бы армию. А Левенгаупт и не думал никогда его в этом убеждать. Словом, неискреннее и недобросовестное желание представить дело в совершенно превратном свете и свалить вину за своё поражение под Полтавой на Левенгаупта сказывается в каждой строке этого письма. Чудовищные ошибки внедрения в чужую страну ценой потери половины армии, непостижимое легкомыслие затеянного генерального сражения с четырьмя пушками против большой артиллерии противника, с армией вдвое меньшей, чем у противника,— всё это «незначительный инцидент», и вообще сражение проиграл не он, Карл, при Полтаве, а Левенгаупт под Переволочной. И он, король, виноват только в том, что за множеством дел забыл сообщить свой приказ всем начальникам, а сообщил только двум: был ранен, нога болела, не успел распорядиться...

Карл XII тут лгал уже без зазрения совести. Надо сказать, что никогда он не стремился какими-нибудь пышными фразами хоть немного прикрыть полное своё равнодушие к участи своих верноподданных, которым приходилось окупать своей кровью и достоянием похождения их владыки в далёких краях. Карл, вступивший на престол подростком и унаследовавший трон после нескольких крупных деспотов (Густава-Адольфа, Карла X, Карла XI), утвердивших неограниченную власть в Швеции, никогда и не подозревал, что подданные могут иметь свою волю, свои интересы и что вообще должно хоть как-нибудь с ними считаться. К этому прибавлялось крепко сидевшее в Карле XII лютеранское религиозное ханжество и полное убеждение в божественном происхождении монархической власти. Это ему с юных лет крепко вдолбило в голову придворное духовенство. Он был ещё всецело человеком традиций XVII столетия и только потому не повторял слов своего современника Людовика XIV: «Государство — это я», — что ему и в голову не могло придти, что кто-нибудь в

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

состоянии в этом усомниться. Да и кроме того Карл не умел говорить эффектно. В нём ничего не было и от позднейшей приторной и фальшивой сентиментальности времени «просвещённого абсолютизма» с его формулами вроде «всё для народа, но не посредством народа» и т. д. Король Карл XII всю жизнь прожил в спокойной уверенности, что «всё для короля и посредством короля», функция которого — приказывать, требуя от подданных всё, что ему угодно, а их дело исправно выполнять приказы. Вот, проиграв под Полтавой войну, уничтожив свою армию, погубив навеки великодержавное положение Швеции и разорив дотла свой народ, сидит он в Бендерах, сидит уже полтора года, и начинает сердиться, но отнюдь не на себя самого, а на государственный совет в Стокгольме, который почтительно, но настойчиво доносит ему о растущей нищете, о разорении страны, об её истощении бесконечными наборами и поборами. Королю кажется, что это, наконец, становится досадным и совсем излишним: «Что касается состояния нужды в нашем отечестве, то ведь это уже столько раз повторялось, что было бы достаточно, если бы об этом сообщали как можно короче, — так ли обстоит дело, как прежде, или же ещё хуже. Таким способом нам бы в достаточной степени напоминали о деле, которое и кроме того достаточно известно, однако не может быть поправлено как-нибудь иначе, чем если мы себе промыслим почётный и выгодный мир. Но такого мира нельзя добиться печальными докладами». Карл знает, что стокгольмский совет убеждён, что после Полтавы нелепо думать, будто можно заставить Петра отказаться от завоёванной Прибалтики. Король знает, что усталая страна жаждет мира, и он сердится: «...Нужно сломить высокомерие неприятеля... Мы убеждены, что вы тоже были бы такого мнения, если бы вы услышали, как тут обстоят дела, и что вы никогда не пришли бы снова к мысли, что должно купить позорный мир ценой потери нескольких провинций. Мы никогда не дадим нашего согласия на это, как бы ни складывались обстоятельства... Никто, желающий называться честным патриотом, не должен стараться о таком мире, скорее он должен советовать уж лучше отважиться на самое крайнее, чем позволить, чтобы государство или его провинции хоть в малейшей степени были уменьшены, особенно, в отношении к России» [34].

Напротив, Карл надеется «с помощью всевышнего» вернуть всё, что попало в руки русских, и, мало того, «принудить их к такому миру», чтобы они ещё уплатили ему, Карлу, справедливое вознаграждение «за причинённый ущерб и испытанное шведами правонарушение». Это письмо должно было показать Стокгольму и всей Швеции, что война не только не окончится вскоре, но и никогда при жизни и царствовании Карла не окончится и что Швеции суждены ещё долгие годы страданий и нищеты и новых территориальных потерь.

Так и случилось в действительности.

★

Русская победа в Северной войне и окончательное признание этой победы побеждённой страной были после Полтавы неотвратимы.

«Я к миру всегда был склонен, но того неприятель слышать не хотел. Что Карл XII запутал упрямством, то распутывать будем умом; а буде и сие ныне не поможет, распутывать будем силою и оружием», — сказал Пётр уже после смерти Карла в адрес Ульрики-Элеоноры, новой королевы шведской, и её представителей в начавшихся мирных переговорах.

«На севере — Швеция, сила и престиж которой пали именно вследствие того, что Карл XII сделал попытку проникнуть внутрь России; этим он погубил Швецию и показал всем неуязвимость России». Так харак-

[34] Карл — стокгольмскому совету. Бендеры, 3 февраля 1711 года «Konung Karl XII, jegenhändiga bref», стр. 369—373.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

теризует Энгельс смысл событий 1708—1709 годов. Но что Пётр I «должен был сломить» Швецию, это для Энгельса не подлежит сомнению [35].

Вольтер решительно выделяет Полтаву из «двухсот сражений», которые, по его подсчёту, были даны от начала XVIII столетия до времени, когда он написал свою «Историю».

Эти сражения, говорит он, часто давались армиями в сто тысяч человек, затрачивалось много усилий для достижения малых результатов, и ни одна из этих бесчисленных войн не вознаграждала за всё причинённое ею зло своими ничтожными положительными последствиями. «Но результатом дня Полтавы было счастье обширнейшей на земле империи» [36].

Гибельные для Швеции исход и последствия её нашествия 1708—1709 гг. обусловливались несколькими коренными причинами.

1. Полной неисполнимостью, фантастичностью основной цели, поставленной себе, своей армии, своей стране Карлом XII. Разрушение Русского государства, возвращение русского народа к временам не только удельных княжеств, но к временам полного политического подчинения этих удельных княжеств чужеземному игу (в данном случае не татарскому, а шведскому) — всё это было несбыточной мечтой, обусловленной безграничным, непроходимым невежеством Карла и его соратников и единомышленников. Вычеркнуть из русской истории больше полтысячелетия, одинаково решительно не только игнорировать историю русского народа, но и закрыть перед ним всё его будущее, отбросить Россию навеки в моральную и умственную тьму безысходного политического порабощения — всё это ни при каких условиях не было осуществимо, если бы даже в России уже тогда не было (даже беря самые низкие цифры, даваемые тогдашними пёстрыми и резко противоречивыми цифровыми показателями) гораздо больше жителей, чем подданных у Карла XII, даже если бы у России не было тех природных богатств, какие у неё были, даже если бы она не догнала так быстро шведскую военную выучку и технику, как она её догнала в действительности, даже если бы Пётр не оказался гением такой величины, каким он оказался, и даже если бы Карл XII был в качестве военачальника гораздо талантливее, чем он был. Могучий патриотизм, сказавшийся и в ожесточённой народной войне против захватчиков и в высокой доблести регулярной армии, — вот что помогло Петру так полно и так победоносно завершить выполнение его замечательного стратегического плана.

2. Полная нелепость основной задачи выявлялась с каждым месяцем войны всё больше и больше.

История великого народа, владения которого уже тогда были разбросаны на двух континентах и который имел в своей истории и Святослава, и Александра Невского, и Куликово поле, и изгнание поляков, история страны, создавшей крепкую централизованную государственность, не обрывается внезапно погружением этого народа в беспросветный мрак рабства в зависимости от того, опоздает ли Левенгаупт с обозом или не опоздает, разбегутся ли мазепинцы или будут хоть некоторое время держаться, спохватится ли шведский штаб накануне Полтавы, что у него осталось мало пороха и снарядов, или не спохватится. Бесспорен был авантюризм Карла, полагавшего, что с 35 тысячами человек можно пройти в Москву, низвергнуть Петра, разделить Россию на уделы, посадить своего наместника для наблюдения и затем с триумфом вернуться в Стокгольм. Но этот авантюризм лишь оттенил особенно резко всё безумие поставленной агрессором цели, которая была бы недостижима для него и при несравненно больших средствах.

3. Карл безнадёжно проиграл под Полтавой не кампанию 1708—1709 гг., но всю Северную войну, погубил Швецию и, как сказал Энгельс, «показал всем неуязвимость России».

[35] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. II, стр. 9, 12.
[36] Voltaire. Histoire de Russie sous Pierre le Grand, p. 389. Paris. 1858.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Эта неуязвимость была доказана тем, что хотя, как только что сказано, главная цель Карла XII была недостижима ни при каких условиях, но достижения второстепенные были, казалось, доступны. Оторвать Украину от Москвы, с которой она была связана государственными узами всего с полстолетия, представлялось за рубежом даже и более трезво мыслящим людям, чем Карл, вполне возможным. Измена Мазепы была ликвидирована не только быстрыми и удачными контрмерами Петра, но в не меньшей степени и народной антишведской войной.

4. Точно так же не только военные меры, принятые русским главным командованием по всему течению Днепра, на северо-западе, у Могилёва, и на юго-западе, у Киева, но и решительно сказывавшееся антипольское настроение украинского населения Правобережной Украины воспрепятствовали каким бы то ни было попыткам Станислава Лещинского оказать помощь своему шведскому покровителю и господину.

И «неуязвимость России», о которой говорит Энгельс, была, в конечном счёте, доказана как тем, что 15 сентября 1708 г. в селе Стариши шведы были вынуждены отказаться от похода на Смоленск, так и тем, что их поворот на юг для обходного движения на Белгород — Курск или на Полтаву — Харьков оказался точно так же невозможным и чреватым гибелью. Оторвать Украину оказалось столь же недостижимым, как завоевать Москву.

5. Стратегическое искусство Петра сказалось во время этого похода, предрешившего исход всей Северной войны, прежде всего в том, что ему удалось сначала — в июне — июле — августе — сентябре — октябре — ноябре — декабре 1708 г.— систематически осуществлять свой зрело обдуманный ещё 28 декабря 1706 г. «жолкиевский» план изматывания противника и «оголаживания» территории, по которой шёл неприятель, и в то же время вести очень активную оборону, перемежающуюся с чисто наступательными операциями, вроде нападения на Левенгаупта под Лесной 27 и 28 сентября 1708 года. А затем, в течение конца зимы и весной 1709 г., готовиться к генеральному сражению, и готовиться так, чтобы, предвосхищая и сознательной мыслью и действиями за сто лет знаменитое наполеоновское правило, оказаться «сильнее неприятеля в данном месте в решающий момент». И когда перед валами Полтавы наступил этот решающий момент 27 июня 1709 г., то у Петра оказалось 72 пушки против 4 орудий шведских, 42 тыс. солдат и примерно около 20—25 тыс. в близком резерве (не говоря уже о подошедшей на другой день после боя многочисленной калмыцкой коннице Аюки-хана) — и всё это против 30—31 (приблизительно) тыс. человек шведских сил (согласно свидетельству фельдмаршала Реншильда), причём из них настоящих, коренных шведов, на которых Карл мог бы вполне положиться, было всего 19 с небольшим тыс. человек [37]. Все они (шведы и не шведы всего войска Карла XII) были или перебиты или взяты в плен под Полтавой и у Переволочной.

6. Полтава прикончила шведское сопротивление на суше. С этого момента Петру оставалось доделывать начатое после первой Нарвы и прерванное успехами Карла в Польше в конце 1705 г. занятие старых русских владений на Балтийском море. Война, там возобновлённая в 1710 г., привела уже в 1713 г. к приобретению и закреплению за Россией Ингрии, Эстонии, Ливонии и Финляндии до Выборга, то есть ко всему тому, к чему стремился Пётр с первых лет войны и что было теперь, в эти послеполтавские годы, окончательно обеспечено стратегически и политически установлением русского преобладающего влияния

[37] 19 тыс. природных шведов — это было всё, что осталось от 35 тыс. (точнее, 35 650 чел.), числившихся в регулярных шведских полках у Карла перед вторжением в Россию. Кроме этих 19 тыс. природных шведов у Карла было накануне Полтавы около 11—12 тыс. нерегулярных войск (валахи, запорожцы, поляки).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

в Курляндии, где пребывали русские войска и где на герцогском престоле прочно утвердилась племянница царя Анна Ивановна.

Но крутой поворот во всей европейской политике, произведённый страшным поражением Швеции, породил стремление обеих западных великих держав — Англии (с Ганновером) и Франции, как только Утрехтский мир развязал им обеим руки, — упорным дипломатическим вмешательством на долгие годы задерживать заключение русско-шведского мира и поощрять шведское правительство к продолжению совершенно безнадёжной борьбы.

Создание и быстрое увеличение русского военно-морского флота оказалось единственным средством закрепить с моря новые русские берега и одновременно окончательно принудить Швецию к подписанию мирного трактата, а британский кабинет — к отказу от попыток помешать этому.

Моральные последствия Полтавской победы и обусловленного ею выигрыша всей Северной войны были для внутреннего положения России не менее колоссальны. Петровские реформы были в значительной степени оправданы и укреплены в народном сознании этими успехами в борьбе с сильным и жестоким врагом.

Только через 200 лет после Петра наступило время полного революционного обновления России, полной, а не частичной ликвидации её экономической и культурно-технической отсталости. Но, помня это, мы, люди советской эпохи, отдаём должное достижениям замечательного русского поколения начала XVIII в., которое сделало очень много из того, что тогда было возможно сделать, чтобы «выскочить» из рамок этой отсталости, и которое низвергло в бездну дерзкого агрессора, покусившегося на честь и достояние русского народа.

★

Упомянутые выше современные нам шведские, немецкие, английские фашиствующие «историки», восхваляющие Карла, принуждены либо извращать либо замалчивать два факта, опровергнуть которые никак не могут вследствие их самоочевидности: 1. Карл, победитель Дании, завоеватель Польши, Саксонии, грозивший войной трепещущей Австрии, носившийся с мыслью о насильственном низвержении законной английской династии [38], не скрывал, что он стремится к установлению своего политического владычества над Европой. Хозяином Северной и Центральной Европы он уже, бесспорно, и был перед вторжением в Россию. 2. Единственным неодолимым препятствием, которое он встретил на своём пути, единственной силой, которую шведский агрессор не сломал, но которая сломала его самого, оказался русский народ, грозно сокрушивший вторгшегося захватчика и стёрший с лица земли его войско своей регулярной армией, своей народной войной, зрело продуманной политикой, основанной на реальных экономических и общегосударственных потребностях, а не на завоевательном авантюризме.

Под Полтавой русский солдат, защищавший свою родину, одолел солдата шведского, у которого за душой в тот момент не было ничего, кроме заманчивых перспектив обильного грабежа чужой страны в случае победы. Русская народная война весьма помогла регулярной армии Петра сначала истощить, а затем и разгромить силы агрессора. Русская стратегия оказалась выше стратегии врага.

Мы вполне понимаем, почему именно в настоящее время нашим «учёным» противникам приходится обходить многое в истории их героя сугубым молчанием...

[38] Иронический отзыв Петра об этой затее см. ГПБ., рукописный отдел, эрм. 473, л. 220—221. «Из Амстердама февраля во 12 день 1717 году» Петр — адмиралу Апраксину.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ